

Сценарий

Николас Е. Баэр

Случай в метро

Сценарий, который мы публикуем в этом номере, был поставлен режиссером Ларри Пирсом. Советские зрители знают его картину «Раз картошка, два картошка». В том фильме «случай из жизни» — белая женщина и негр полюбили друг друга — служил отправной точкой для смелого, правдивого исследования некоторых аспектов одной из самых болезнетворных проблем современной Америки — расовой проблемы. Фильм «Раз картошка, два картошка» принадлежал к числу все еще немногочисленных произведений американской прогрессивной кинематографии, проникнутых тревожным сознанием, что американское общество поражено тяжелыми социальными недугами, требующими радикального, а отнюдь не «симптоматического» лечения.

Сценарий «Случай в метро», вызвавший в постановке Ларри Пирса взволнованные отклики в США, а затем почти во всем мире, также насыщен чувством острой тревоги. В нем также Америка предстает увиденная глазами честных и отважных художников, взявших на себя нелегкую ответственность правдивых свидетелей угрожающего распада, захватившего американское общество сверху донизу и представляющего смертельную опасность для Америки мыслящей, неконформистской, видящей пропасть, в которую толкает страну активизация сил агрессии и преступности, за последние годы не раз прорывавшихся со страшной разрушительной энергией, ошеломлявшей тех, кто до того все еще верил в Америку Вашингтона и Линкольна.

А между тем сюжет сценария «Случай в метро» выглядит как всего лишь подробный рассказ о некоем происшествии в вагоне нью-йоркской подземки.

Точно обозначено время — два часа ночи, когда жители города благоразумно предпочитают не пользоваться душным, затхлым метрополитеном, где редкую ночь не происходят какие-либо насилия или убийства.

Точно названы станции на линии, ведущей с окраины к центру, — ни одна из них не пропущена, все станции возникают перед зрителями в том самом порядке, в каком они мелькают перед взором пассажиров на самом деле.

На экране подлинное нью-йоркское метро: его мрачноватые, обшарпанные платформы, турникеты, тщательно забранные решетками (отнюдь не лишняя предосторожность!) окошечки касс, обычный, выдавший виды вагон. Тщательно соблюдены даже мелкие детали — номера маршрутов, цена билетов, даже то, что в последнем вагоне всегда заперта крайняя дверь. И люди, случайно собравшиеся в этом последнем вагоне, — обычная нью-йоркская публика. Усталые, помятые заботами лица, вялые бранчливые разговоры, пронизанные мотивами тревоги, неустрашенности, неустрашимых трудностей, словом, всем тем, чем эти люди устало и нудно живут там, наверху, в своей беспокойной, обесцвечивающей, выматывающей повседневности.

Исключительным, из ряда вон выходящим может показаться только само событие — вторжение в вагон двух хулиганов, с наслаждением измывающихся над пассажирами и буквально не знающих предела своей садистски изощренной фантазии. Но это может показаться только тому, кто не знаком с бытом гигантского города, где случай, вроде описанного в сценарии, всего лишь обыденная неприятность, нечто привычное, заурядное, о чем даже не упоминают в полицейской хронике, длинными столбцами заполняющей простыни американских газет.

Значит, что же — перед нами «моментальная фотография» нравов, две строчки непарелю из хроники городской жизни, развернутые в большое киноповествование?

Совсем нет. Да и художника такой острой критической направленности, как Ларри Пирс, вряд ли заинтересовал бы сценарий, ограниченный задачей натуралистически точного и натуралистически бескрылого описания ночной сценки, если бы за нею не стояло нечто несравненно большее, по-настоящему тревожное и характерное для современной Америки.

Скрупулезно тщательное погружение в мир мелких житейских подробностей, педантически детальное воссоздание внешней обстановки, на фоне которой разворачивается сама история, — все это не больше, чем своеобразная гарантия точности, безукоризненной жизненной достоверности самого кинематографического повествования. Ведь режиссер и сценаристы потому и занялись анатомированием этого во всех отношениях заурядного происшествия, что в самой его заурядности, привычности, обыкновенности уже заключено нечто бесконечно тревожное, вызывающее к чувству ответственности зрителей, понуждающее их заглянуть в самую подпочву американской повседневности, тех ошеломляющих воображение событий — несоизмеримо более крупного порядка, становящихся достоянием общественного мнения во всем мире, — которые не могли бы произойти, если бы распад морали, нравственности, кризис этических ценностей в американском обществе не зашел так далеко. С этой точки зрения, «случай в метро» — всего лишь симптом, но симптом, по которому безошибочно можно определить болезнь, поразившую гигантскую страну, всего лишь частность, но частность, за которой зримо проступают процессы такого угрожающего значения, что было бы опасным легкомыслием не вглядеться в происходящее на экране со всей пристальностью и со всей ответственностью.

Именно в том, чтобы апеллировать к чувству ответственности, все еще дремлющем в большинстве американских мешаев, — дремлющем даже после убийства Джона и Роберта Кеннеди, после выстрела, поразившего Мартина Лютера Кинга, после чикагской бойни, после того, как «тайная Америка», Америка Руби и Лп Освальда, до того пребывавшая где-то в подспуде, явилась перед всем миром в своем настоящем виде, готовая на самые чудовищные преступления, — и состоит цель режиссера и сценариста.

Самое тревожное, существенное в рассказанном ими происшествии поэтому даже не бесчинства двух осатаневших подонков, ради н а с л а ж д е н и я, играя и резвясь, убивающих старика в самом начале фильма, а потрм, как кошка с мышью, и г р а ю щ и х с беззащитными людьми, отданными им во власть автоматически закрывающимися дверьми в вагоне нью-йоркской подземки, а именно поведение этих людей, их реакция на насилие, их почти непреодолимая инертность перед лицом обрушившейся на них наглой силы. Ведь сами по себе эти подонки не так уж страшны. Недаром даже человек со сломанной и положенной в гипс рукой, безоружный, в одиночку оказывается в состоянии справиться с ними. Сила подонков не в них самих, а в реакции на их бесчинства фатально разобренных (даже перед лицом одинаково всем угрожающей опасности!), погруженных в повседневные, обезличивающие тяготы выматывающей борьбы за существование обывателей, трепещущих перед жизнью, перед грозным в своей непознанности будущим, собранных по воле случая в вагоне, захваченном двумя хулиганами. И если случайности следует приписать то, что именно эти люди примерно в одно и то же время сели в этот вагон, то отнюдь не случайным, а закономерным — не только для них, а для миллионов таких, как они, смятых жизнью обывателей, — о б ы ч н ы м является их поведение, их общая, социально стереотипная реакция на насилие.

Вот почему автор сценария, не уделяющий никакого внимания прошлому обоим хулиганов, не вникающий в обстоятельства их жизни, так подробно знакомит зрителей с социальной характеристикой людей, ставших жертвами бессмысленной, гнусной агрессии двух выродков. Ферроне и Коннорс для автора сценария не больше, чем персонафицированный (и персонафицированный с большой художественной выразительностью) знак опасности, нависшей над американским обществом, посланцы тех страшных разрушительных сил, что угрожающе нависают над к а ж д ы м американцем. Тогда как те, что станут их жертвами, не просто о т д е л ь н ы е люди, а как бы миниатюрная модель определенной части американского общества, того «среднего класса», отличительной чертой которого как раз является инертность, желание сбежать от правды, укрыться от

опасности, пока она не ворвалась в твой собственный дом, а потом, когда она уже стоит на пороге, — терпеть до последнего, молить о пощаде, слепо надеяться, что авось и на этот раз «пронесет», что насилие, обрушившееся на соседа, минует меня и мой достаток. Вот почему чем разнообразнее биографические варианты, чем индивидуальнее жизненные случаи, судьбы, стоящие за каждым из пассажиров, тем отчетливее то общее, что присуще им всем, что делает их одинаковыми перед лицом обрушившейся на них опасности. Вторжение в вагон хулиганов ведь не создает, а только обнаруживает перегородки, разделившие и обессилившие этих людей. Все они на свой лад несчастны, жалки, все несут на себе печать одной и той же обезличивающей, выматывающей социальной судьбы, все, как Уилкс, бояться завтрашнего дня, сознают свою полную беззащитность перед будущим, перед теми, кто может сломать их убогое благополучие, выбросить их на помойку, все охвачены унижительным чувством социальной неполноценности, зависти к более удачливым (даже если это родной сын), переполнены обидами и горьким сознанием несбывшихся надежд. Да, они все одинаковы и в своем положении в окружающем их мире, и в своей реакции на неотвратимо надвигающуюся на них угрозу насилия, на ту самую угрозу, о которой вот уже столько лет со все возрастающим чувством тревоги предупреждают Америку наиболее прозорливые и честные писатели, социологи, журналисты.

Конечно, сам по себе «случай в метро» ничтожен на фоне тех бесчинств и преступлений, в которые изо дня в день ввергают Америку ферроне и коннорсы несоизмеримо более крупного роста и с амбициями, которые уже не замыкаются в рамках уличных бесчинств, а дают о себе знать в масштабах общенациональных, в области политической, государственной. Но ведь в том-то и состоит смысл рассказанной нам истории, что, следя за тем, как она протекает, как она проявляет социальную психологию втянутых в нее людей, мы все время думаем не о ферроне и коннорсах, столь угрожающим образом развлекающихся в замкнутых пределах подземки, а о тех, кто точно так же ведет себя на просторах всей страны, всюду, где в них нуждается Америка голдуотеров и бэрчей.

Такова уж особенность реалистического искусства: оно всегда вмещает в себя нечто большее, чем то, о чем непосредственно рассказывает фабула, позволяет видеть за рассказанным случаем породившие его социальные закономерности.

Сценарий «Случай в метро» обладает этим драгоценным свойством. Он позволит нашим читателям изнутри понять сегодняшнюю Америку, непосредственно вникнуть в то, что зовется «американским образом жизни», осознать меру опасности, заключенную в том взрыве насилий, преступлений, чудовищных надругательств над всем человеческим, которым характеризуется американская повседневность сегодня.

Фильмы серьезного общественного звучания, дающие правдивый анализ болезни, которой поражено американское общество, не часто появляются в США. Для появления таких произведений нет условий в стране, где правда представляет прямую опасность как раз для тех классовых и политических сил, которые находятся у власти. Но противоречия настолько обострились, кризис, сотрясающий всю страну, выражается в таких для всех очевидных формах, что и американский кинематограф, создавший некогда в Голливуде самую гигантскую «фабрику снов», какую когда-либо знала история искусства, не может, хоть спорадически, не откликаться на зовы времени, на те сигналы бедствия, какие со всех сторон несутся сейчас в Америке к художникам и публицистам.

Ответом на один из таких сигналов и стал сценарий «Случай в метро».

Мы печатаем его с небольшими сокращениями в литературной записи Л. Завьяловой и М. Шатерниковой.

Над большим городом опустилась ночь.

Уже очень поздно, и в бильярдном зале на окраине пусто и полутемно. Хромой негр, помощник хозяина, ковзляет в глубине зала между бильярдными столами и гасит одну за другой низко свисающие над ними лампы.

Хозяин, плотный усатый человек в черной рубашке, подходит к последнему бильярдному столу, за которым еще идет игра. На бортике бильярда стоит бутылка виски.

Хозяин. Эй, ребята, как дела? Мы закрываемся.

Вместо ответа один из играющих, Джо Ферроне, тщательно прицеливается и бьет по шару. Это черноволосый парень лет двадцати с небольшим. Лицо его обрамляют длинные щегольские — чуть не до подбородка — бакенбарды. Под пиджаком рубаха, расстегнутая до пояса, на голой волосатой груди болтается медальон на цепочке.

Ферроне. Обожди. Мы еще не кончили.

Хозяин. Ну-ну, ребята, давайте похорошему. Я вам двадцать минут назад сказал, что мы закрываемся.

Второй игрок, Арти Коннорс, широкоплечий парень того же возраста, что и Джо, невозмутимо продолжает мелить кий. Хозяин хочет что-то сказать, но Коннорс его перебивает:

— Только тронь выключатель, я тебе руки повыдергаю.

Хозяин бросает на него опасливый взгляд. Коннорс кладет мел на бортик.

Хозяин. Чарли, номер пятый пока не выключай!

Коннорс довольно улыбается и с силой бьет по шару. Шар влетает в лузу. Наблюдающий за партнером Ферроне испускает вздох разочарования. Коннорс разражается победным хохотом.

Швырнув кий на стол, Ферроне неторопливо направляется к хозяину.

Хозяин. Ну, теперь все?

Ферроне подходит к нему вплотную. Хозяин настораживается.

Ферроне. Чего это ты так рано

закрываешься? (Делает глоток из бутылки) И куда это все подевались к черту Хозяин. Все давно снят. И вам по Ферроне. Да? А с кем?

Они с Коннорсом переглядываются и хохочут. Хозяин не спускает с Ферроне глаз.

Внезапно Ферроне умолкает, пристально смотрит на хозяина и делает угрожающий выпад бутылкой. Хозяин продолжает стоять неподвижно.

Ферроне. Ух ты!

Он кивает Коннорсу и направляется к выходу. Коннорс кладет кий и идет за ним. Хозяин молча смотрит им вслед.

У двери Коннорс берет у Ферроне бутылку, отхлебывает из нее, и они исчезают. С лестницы доносится их смех и громкий топот.

На улице ни души. Блестит мокрый асфальт, в нем отражаются огни витрин светящихся вывесок. Двери магазинов закрыты на ночь железными шторами. Вдоль тротуаров вытянулись цепочкой пустые машины. Коннорс и Ферроне с гоготом вываливаются из дверей бильярдной.

Коннорс. Ну и ну, кладбище, да только!

Он подсакивает к одной из машин, пробует дверцу — заперто. Другая, третья машина — то же самое. Наконец одна дверца подается. Коннорс протискивается внутрь, обшаривает машину, но там пусто. Он с досадой хлопает дверцей.

Коннорс. Что будем делать?

Ферроне. У тебя деньги есть?

Коннорс. Ты что, смеешься?

Ферроне. А что же тогда делать?

Они бредут по безлюдной улице.

Коннорс. Что ты меня спрашиваешь? Что-нибудь! Что угодно! Придумай сам.

Ферроне. Ладно!

Он с хохотом ударяет Коннорса в грудь. Коннорс отбивается на ходу.

Коннорс. Да не хочу я драться, кончай, слышишь?

Внезапно он останавливается и пристально

Навстречу им идут двое прохожих — мужчина и женщина. Коннорс испускает радостный вопль. Прохожие приближаются.

Парни загораживают им дорогу. Коннорс подвывает, предвкушая развлечение.

Ферроне. Эй, приятель, ты куда? Прохожие еще больше замедляют шаг. Мужчина нервно оглядывается. Улица пуста.

Коннорс. Ты что сегодня вечером делаешь, красавица?

Мужчина крепче берет женщину под руку, испуганно глядя на парней.

Ферроне. Куда топаешь, приятель? Прохожие останавливаются и отступают.

Ферроне и Коннорс уже совсем близко.

Коннорс. Эй, погоди!

Ферроне. Ты куда, приятель? Прохожие пускаются наутек. Коннорс бежит за ними. Ферроне хохочет, любуясь этой сценой.

Коннорс. Эй, погоди, красавица! Но бежать ему лень, развлечение не стоит того. Он останавливается, размахивая бутылкой, и орет вслед прохожим.

Коннорс. Могу угостить мировым мускатом! Не обижайся, красавица, просто мне твои буфера приглянулись!

Прохожие скрываются за углом. Коннорс, хохоча, возвращается к Ферроне. Тот выхватывает у него бутылку, делает глоток.

Ферроне. Мускат мировой...

Передавая на ходу друг другу бутылку, они отправляются дальше. Ферроне пытается открыть еще одну машину — безуспешно.

На другой стороне улицы табачная лавка. Ферроне кидается к двери, дергает ее — заперто.

Ферроне. Неужели и этот закрылся? Оба заглядывают в освещенную витрину, пытаются рассмотреть, что делается внутри.

Коннорс дергает Ферроне за рукав.

Коннорс. Гляди-ка...

К стене прислонена доска с объявлением: «Воскресный выпуск «Нью-Йорк тайме» — 40 центов».

Коннорс. Воскресенье сегодня...

Оба стоят в нерешительности: что делать дальше — неизвестно.

Коннорс медленно засовывает бутылку в карман. Кругом тихо. Свет из витрины освещивает на мокром тротуаре. Где-то поблизости нарастает грохот — проносится поезд надземной линии метро.

Коннорс. Послушай-ка, Джо.

Ферроне. Чего?

Коннорс. Давай обчистим клиента.

Ферроне. Да ну еще... (Отходит от витрины.)

Коннорс (хватает его за плечо). Ладно тебе! Давай, а?

Ферроне. Что, тебя так уж разобрало?

Коннорс. Прямо до костей прошибает, не веришь?

Ферроне. Да, разобрало тебя здорово.

Коннорс. Не говори! Давай, а?

Ферроне. Ну, ладно.

Коннорс (с радостным воплем кидается к двери лавки и прячется в тени). Иди сюда!

Ферроне. Нет, не годится.

Коннорс. Почему?

Ферроне (оглядывает улицу и кивает направо). Там лучше.

Они сбегают по лестнке в узкий проход между домами. Здесь темно, только уличный фонарь бросает слабый отсвет на глухие кирпичные стены. Коннорс прислоняется к стене, Ферроне осторожно выглядывает на улицу.

Ферроне. Местечко — что надо.

Коннорс. Ну, как там?

Ферроне. Пока никак. (Тоже прислоняется к стене и достает сигареты.)

Коннорс. Попался бы нам клиент с хорошими денежками, а? Я завтра на бега собираюсь.

Ферроне. Тебя разве мама пускает на бега?

Они закуривают. Ферроне снова выглядывает на улицу. С шумом проносится поезд метро.

Ферроне. Спрашивай-ка, Арти, ты чего больше любишь — с бабами или клиентов ловить?

Коннорс (мечтательно выпускает дым). Ох, не спрашивай! Я и то и другое. А ты чего больше любишь?

Ферроне. Я баб люблю.

Коннорс. Ну да? Не любишь клиентов ловить?

Ферроне. Люблю, но баб я больше люблю. (Затягивается сигаретой и выглядывает на улицу.)

Коннорс. А я и то и другое люблю.

Ферроне. Тихо!

Он откидывается к стене. С улицы слышатся мужские голоса. Ферроне осторожно выглядывает.

Двое мужчин, громко разговаривая и смеясь, проходят мимо. С дальнего конца улицы приближается машина.

Коннорс. Ну, что там?

Ферроне. Двое парней, но там еще машина идет, Пустой номер.

Голоса прохожих затихают вдали.

Ферроне. Так почему ты любишь и то и другое, Арти? А? Почему?

Коннорс. Не знаю я... У меня от того и от другого прямо мурашки по спине бегают... Про все забываю... Так здорово.

Ферроне. Арти, а тебе никто не говорил, что ты немножко чокнутый?

Коннорс. Говорили...

Ферроне. Так ты им не верь.

Коннорс. Да?

Ферроне. Да. Ты здорово чокнутый.

Коннорсу нравится шутка, он хохочет.

Коннорс. Ты серьезно, Джо?

Ферроне (смеясь, выглядывает на улицу и тут же прячется). Тихо!

Коннорс сразу умолкает. Издали слышны шаги одинокого прохожего.

Коннорс. Отдай его мне, Джо.

Ферроне достает складной нож и нажимает на защелку.

Коннорс. Дай я им займусь! Ну, пожалуйста!

Ферроне улыбается, опускает нож, и Коннорс спешит отнять его у Ферроне. Прислонившись к стене, он держит перед

глазами нож и ловуется им. Свет поблывает на лезвии. Шаги приближаются. Едва прохожий поравнялся с Ферроне, тот молниеносно обхватывает его сзади, зажав ему рот, стаскивает по ступенькам вниз. Здесь он прижимает его к мусорному ящику, с силой перегибает назад, начинает обшаривать карманы. Коннорс держит прохожего за горло, в другой руке у него занесенный над жертвой нож.

Коннорс. Только пикни, получишь трофей прямо в ухо.

Прохожий — грузный, плохо одетый пожилой человек — судорожно ловит ртом воздух.

Прохожий. Вы меня... душите.

Ферроне отыскал у него в кармане бумажник, выбрасывает документы, ищет деньги.

Коннорс. Скажите, а ты как хочешь (Смеется.)

Прохожий. Прошу вас... Я отдаю вам деньги и так...

Коннорс (наслаждается происхождением). Вот молодец, слышишь, Джо? Он нам сам деньги отдаст.

Ферроне (извлек из бумажника деньги и смотрит на них с отвращением). Восемь долларов! Паршивых восемь долларов!

Коннорс. Восемь долларов! Вы издаетесь, что ли, мистер?

Прохожий. У меня больше нет.

Коннорс (ухмыляется, поигрывая ножом). Это как так — больше нет?

Прохожий. Прошу вас... я бедный человек...

Ферроне (снимает с него часы). Работает плохо, что ли? (Засовывает часы и деньги себе в карман.)

Коннорс (радостно подхватывает шутку). Да, может, ты просто лентяй бездельник?

Ферроне (еще раз обшаривает прохожего). Разве это по-честному? Паршивых восемь долларов за такой труд!

Прохожий. Пожалуйста, не трогайте меня... у меня семья.

Ферроне рывком расстегивает ему ворот рубашки.

сишь своей семье, может, они благодарить будут, когда от тебя избавятся.

Ферроне (хватает прохожего за волосы и запрокидывает ему голову). Дерьмо! Одно дерьмо в карманах! Ну и жалкий ты, человек.

Коннорс, ухмыляясь, поигрывает ножом.

Прохожий. Пожалуйста... прошу вас...

Коннорс. А ты скажи — «пожалуйста, дяденьки».

Прохожий. Пожалуйста...

Коннорс. Надо сказать — «пожалуйста, дяденьки».

Прохожий. Пожалуйста... дяденьки.

Коннорс. Видишь, вот и все. Разве трудно было сказать?

Ферроне отпускает волосы прохожего. Медленно, очень медленно тот поднимается с мусорного ящика, не сводя опасливого взгляда с ножа в руке у **Коннорса**. Тот ухмыляется. Прохожий, пошатываясь, делает шаг к улице. **Ферроне** пропускает его и прислоняется к стене. Прохожий с трудом наклоняется, чтобы поднять шляпу. И тут **Коннорс** изо всех сил наносит ему сзади резкий удар.

Прохожий валится, как подкошенный. **Коннорс** яростно набрасывается на лежащего. В темноте слышны только глухие удары. Один, второй, третий...

Коннорс. Восемь долларов!

Он в последний раз пинает ногой неподвижное тело, выпрямляется и бросает нож **Ферроне**. **Коннорс** весь дрожит от взбуждения, глаза у него помутнели, прядь волос падает на лоб. Правая рука окровавлена, он потряхивает ею, дует на нее.

Ферроне. Слабак ты! Я бы его с одного раза уложил.

Коннорс. Что ж, мне позабавиться нельзя? Так лучше форму сохраняешь.

Ферроне. Пошли.

Коннорс обматывает руку носовым платком и выходит на улицу вслед за **Ферроне**, на ходу прихлебывая из бутылки. **Ферроне** останавливается под фонарем и достает из кармана деньги.

ларов придумаешь, а?

Ферроне. А ты что хочешь делать?

Коннорс. Слушай, не могу я так киснуть, мне поразмяться надо!

Ферроне. Мало тебе было?

Коннорс. Да я еще не разогрелся как следует!

Ферроне (усмехаясь, треплет его по щеке). Поехали в центр, на Таймс-Сквер.

Коннорс. Чего там делать в воскресенье?

Ферроне. Там видно будет. Время еще детское.

С хохотом, сталкивая друг друга с тротуара, они пускаются вдоль по улице. Слышен нарастающий грохот надземки. Пустой поезд, светя окнами, заворачивает за угол и начинает набирать ход.

На экране возникают титры фильма.

Идет поезд по эстакаде, постукивая колесами на стыках рельсов. Плывет мимо ночной город. Поезд несется в ночь...

Безлюдный перекресток бульвара Мошолу и авеню Джером. Тени деревьев ложатся на асфальт. Тихо.

Затем раздаются шаги и слышится раздраженный мужской голос.

Мужчина. Надеюсь, ты понимаешь, что уже два часа ночи.

Женский голос (виновато). Мне очень жаль, милый.

На перекресток выходят Билл и Эллен **Уилкс**. Билл — плотный мужчина в светлом плаще. На плече у него прикорнула четырехлетняя Сюзи. Билл придерживает дочку рукой, в которой у него зажата большая кукла. Другой рукой он раздраженно размахивает перед носом жены. Эллен кажется совсем юной — может быть, потому, что ее длинные светлые волосы по-девичьи спадают на плечи. Она семенит рядом с мужем, прижимая к себе огромную хозяйственную сумку.

Уилкс. Неужели нельзя было уйти пораньше?

Эллен. Милый, ты же знаешь маму. Она так хотела устроить для Сюзи настоящий день рождения. Она...

Уилкс. Я знаю.

Эллен. Она теперь совсем одна, Билл. **Уилкс**. Я знаю, но уже два часа ночи, а ей всего четыре года! Мы будем дома не раньше половины четвертого. Мне вставать в семь, значит, придется начинать неделю, здорово выспавшись — целых три с половиной часа сна! Тебе это, может быть, все равно, но я, между прочим, работаю.

У них за спиной раздается шум мотора. Эллен отбегает и поднимает руку.

— Тогда поедом на такси. Такси!

Уилкс возмущенно оборачивается к ней. Машина тормозит возле них, Эллен открывает заднюю дверцу.

Уилкс. Такси? До Флашинга? А платить кто будет, по-твоему?

Эллен. Ну, за один-то раз мы не разоримся, Билл!

Она выжидающе держит дверцу, но **Уилкс** не торопится садиться.

Уилкс. Один раз! Так это и начинается. Потом будет еще раз и еще. Нет, в нашем бюджете это не предусмотрено, Эллен.

Он захлопывает дверцу. Эллен умоляюще смотрит на него.

Уилкс. Тебе надо было выходить замуж за миллионера. Такси, поезжайте!

Эллен. Ну хочешь, я заплачу?

Уилкс. Да, конечно. А когда в конце месяца у тебя не будет денег, тогда кто будет расплачиваться? Поезжайте, водитель! Поезжайте!

Машина разворачивается и уезжает.

Эллен. Билл, пожалуйста!

Уилкс. Эллен, ты меня убиваешь! (Поворачивается и идет дальше.)

Эллен остается на месте, печально глядя вслед такси.

Уилкс (останавливается). Пошли, Эллен. Эллен!

Эллен догоняет его и идет рядом.

Уилкс. Такси! Подумать только!

Они идут дальше по безлюдной улице.

Городской парк. Площадка на склоне холма. Внизу, в темноте, прочерчены цепочками огней городские улицы. Алиса **Кинэн**, восемнадцатилетняя блондинка с распущенными по плечам волосами, одетая в куртку и короткую клетчатую юбку, торопливо поднимается на площадку и останавливается у парапета. В этот час здесь безлюдно. Только на одной скамье сидит пожилой обтрепанный человек.

Загорелый юноша в яркой полосатой рубашке догоняет Алису и порывисто поворачивает ее лицом к себе. Это Тони Гойя.

Тони. Ну ладно тебе, что ты ломаешься? (Пытается обнять Алису.)

Алиса (вырывается). Тони... не надо...

Тони. Почему? (Хватает Алису за плечи и притягивает к себе.)

Алиса (упирается ему в грудь ладонями). Тони, здесь люди... смотрят...

Тони (оборачивается, видит человека на скамейке). Эй, вали отсюда!

Мужчина, опасливо посмотрев на него, поднимается.

Тони. Катись, кому говорят!

Мужчина торопливо уходит. Тони немедленно хватается за Алису в объятия, жадно тянется губами к ее губам. Она откидывает голову.

Алиса. Тони... ты не понимаешь...

Тони выпускает Алису из объятий и кидает в рот жевательную резинку.

Тони. Да? По-моему, это ты не понимаешь.

Алиса. Тони, у тебя много девушек.

Тони. Ну и что?

Алиса. Ты им всем, конечно, нравишься.

Тони. Конечно. У меня все в порядке. Я с ними обхожусь как надо.

Он снова резко притягивает Алису к себе и пытается поцеловать.

Алиса. Что значит — обхожусь как надо?

Она хочет вырваться, но Тони крепко держит ее в объятиях и смотрит ей прямо в глаза.

Тони. Это значит, что они со мной счастливы. Я твердо верю в счастье. А есть

люди, которые...
Некоторые просто боятся быть счастливыми. И знаешь, что с ними бывает?

Алиса (слабо шепчет). Что?

Тони. Они сидят дома.

Он смеется и, улучив момент, быстро целует Алису. Она отворачивается.

Алиса. Тони... если ты не хочешь проводить меня домой, я доеду сама.

Тони. Кто сказал, что я не хочу тебя проводить? Я тебя провожу домой.

Снова хочет поцеловать ее. Она высвобождается и отбегает в сторону.

Алиса. Пойдем, а то опоздаем на метро.

Тони. Ладно.

Алиса уже бежит вниз по лестнице. Тони пускается за ней, крича на ходу:

— Зачем тебе домой так рано? Эй, подожди меня!

Алиса (торопливо продолжает спускаться). Рано! Ты смеешься? Мне утром на работу! Разве тебе не надо работать?

Тони. Ну и что? Я свою работу в универмаге могу делать с закрытыми глазами! (Догоняет Алису у начала лестницы и преграждает ей дорогу.) Кому нужен этот дурацкий сон?

Он хватается Алису за руки и страстно целует. Она вырывается и бежит по улице к станции метро, Тони за ней.

Платформа надземной станции метро «Кингсбридж». К ней ведет крутая лестница. Внизу у тротуара тормозит машина.

Из машины вылезает мужчина лет шестидесяти — это Сэм Беккерман. Не оглядываясь, он решительно начинает подниматься по крутым железным ступенькам. За его спиной из машины доносятся голоса, но он делает вид, что не обращает на них внимания. Это его жена прощается с их сыном.

Миссис Беккерман. Спокойной ночи, сынок. Передай Ирме, что ужин был замечательный.

Сын. Спокойной ночи, мама. Счастливо добираться.

Миссис Беккерман. И тебе тоже.

старушка в скромной черной шляпке. Сын кричит ей вслед:

— Осторожнее на лестнице!

Уже отъезжая, он окликает отца

— До свиданья, папа!

Но мистер Беккерман продолжает подниматься, словно ничего не слышал.

Миссис Беккерман. Сэм!

Она догоняет мужа. Он не оборачивается.

Миссис Беккерман. Неужели трудно было попрощаться? Он ведь довез нас до станции.

Мистер Беккерман останавливается и возмущенно смотрит на нее.

— Неблагодарный бездельник, вот он кто! И не спорь со мной!

Миссис Беккерман. Тебе слова нельзя сказать.

Беккерман. Да? Что я у него миллион попросил? Я попросил паршивые пять сотен, чтобы вставить себе зубы! Чтобы я мог есть, как человек! Разве я не имею на это права? Или у него нет таких возможностей?

Миссис Беккерман. Я не знаю, какие у него возможности. У него свои заботы...

Беккерман. Какие заботы?! У него хорошая работа, разве не так? У него прекрасная квартира, прекрасная жена, прекрасные ребята, он молодой, какие такие у него могут быть заботы? Он за один раз на скачках больше просаживает!

Миссис Беккерман. Ты лучше побереги силы для лестницы, пригодятся.

Беккерман раздраженно фыркает и снова пускается вверх. Но он еще не пришел в себя от обиды.

— И за все это со мной обращаются, как со старым псом!

Миссис Беккерман (откликается сзади). Ни слова не слышу, что ты там говоришь.

Беккерман. Он проявил ко мне сегодня меньше уважения, чем чужой человек! Можешь мне поверить, Берта,

ноги нашей там больше не будет! Можешь мне поверить! В следующий раз, когда ему понадобится посидеть с детьми, пусть нанимает няньку! Хватит с него бесплатных услуг!

Задохнувшись, он останавливается на площадке. Миссис Беккерман догоняет его.

— Да? А я на своих внуков работаю бесплатно. Я не член профсоюза.

Беккерман. Он использует детей, как оружие против нас! С меня довольно!

Миссис Беккерман. Ты лучше подумай о своем давлении.

Даже если Беккерман и воскликнул что-то в ответ, мы этого уже не слышим. По эстакаде проходит поезд метро, и все тонет в грохоте.

Поезд огибает многоэтажный кирпичный дом. Два окна на верхнем этаже еще светятся, несмотря на поздний час. Это окна квартиры Карматти.

Столовая Карматти оклеена пестрыми обоями, на них множество фотографий в рамках. На пианино стоят безделушки. Накрытый стол уставлен тарелками и бутылками. Старики Карматти принимают гостей.

За столом сидит Феликс Телфинджер, двадцатилетний парень в форме солдата, и держит на коленях семейный альбом. В руке у него стакан вина. Чтобы перевернуть страницу альбома, ему приходится поставить стакан — левая рука у него по локоть в гипсе и на перевязи. Хозяин дома, пожилой усатый итальянец с трубкой в зубах, стоит рядом с Феликсом, склонившись над альбомом, и показывает ему фотографии. Он говорит с сильным итальянским акцентом.

— А это когда он получил похвальную грамоту по латыни. Всего тринадцать лет ему было.

Феликс (улыбаясь). Здорово! (Переворачивает страницу.) А это что?

Мистер Карматти. А это он в Христианской ассоциации молодежи.

Сын Карматти, Филип, тоже молодой солдат, сидящий напротив, перебивает

отца. Он явно немощно стесняется родителей перед товарищем:

— Да ладно тебе, папа, ему неинтересно смотреть всю эту ерунду,

В столовую входит миссис Карматти с кофейником. По случаю прихода сына она надела парадное платье с кружевными воротничком.

Миссис Карматти. Как насчет кофе?

Она начинает разливать кофе. Отец Карматти подходит к сыну и ласково берет его за подбородок.

Карматти. Что такое? Ты не гордишься? А я этим горжусь!

Он наклоняется, чтобы поцеловать сына. **Феликс** смотрит на них с улыбкой. **Филип**. Мама, нам, правда, пора (Встает.) Ему еще до автобуса добираться. **Мистер Карматти** (Феликсу): Сейчас принесу ваш мундир.

Феликс. Спасибо.

Он тоже встает. Мистер Карматти еше шит в переднюю. Филип берет китель с спинки стула.

Филип. Поехали, братишка, а то опоздаем.

Все выходят в переднюю.

Феликс. Хороший был ужин.

Филип. Мама, я приеду на той неделе, ладно?

Мистер Карматти помогает Феликсу; накинуть китель на плечи — надеть мешает рука на перевязи. Миссис Карматти подает китель сыну.

Феликс. Спасибо большое, мистер Карматти. Вино у вас очень вкусное.

Филип. Пока, отец.

Мистер Карматти. До свиданья, сынок, и будь поосторожнее, слышишь? Не сломай себе руку.

Филип. Ладно, папа. Ну-ка, однорукий, дай я тебя застегну.

Феликс. До свиданья, миссис Карматти и мистер Карматти, спасибо вам от души за все.

Мистер Карматти. Пожалуйста, пожалуйста. Вы хороший мальчик. Приходите к нам в любое время.

До свиданья, мама. Увидимся на той неделе.

Они выходят на площадку. Родители стоят в дверях и долго смотрят им вслед.

Билл и Элен Уилкс входят на платформу надземной линии метро. Сонная Сюзи посапывает на плече у Билла.

Уилкс. И этот умный разговор, который ты затеяла сегодня со своей матерью! «Как было бы замечательно иметь второго ребенка!» Элен, ты не иначе как спятила!

Они останавливаются у края платформы, под лампой.

Элен. Да нет... просто... Сюзи уже четыре года и...

Уилкс. Ты же знаешь, что Сюзи, да хранит ее господь, это наша неосторожность.

Сюзи просыпается и спрашивает сонным голосом:

— Папа, что такое неосторожность?

Уилкс. Ничего, ничего, детка...

Он гладит дочку по голове, поудобнее укладывает ее и в некотором смущении отходит от Элен. Элен стоит задумавшись, потом спрашивает ровным голосом, не поворачиваясь к мужу:

— Что же это значит, Билл? Значит, у нас никогда не будет второго ребенка? Я бы хотела знать наверняка.

Вдали слышится шум приближающегося поезда.

Уилкс. Не знаю, Элен! Господи, как подумаешь, что я несу ответственность за тебя, за Сюзи, за твою мать, за моих родителей...

Поезд подходит к станции. В нарастающем шуме Уилкс почти выкрикивает:

— А у меня всего две руки, Элен! Всего две руки!

Поезд с грохотом подъезжает к перрону и останавливается. Шипя, растворяются пневматические двери. Уилксы входят в последний вагон.

В нем всего один пассажир — пьяный до бесчувствия старик бродяга. Грязный,

боросший, в полурасстегнутой рубашке, он спит беспробудным сном, развалившись на скамье. Уилкс бросает на него брезгливый взгляд и отводит жену подальше. Они усаживаются, Элен кладет ножки Сюзи себе на колени.

Уилкс. Ты дала ей таблетку?

Поезд трогается с места и сразу набирает скорость. Вагон сильно качает. На стрелке свет на мгновение гаснет, его сменяет тусклое мерцание контрольной лампочки.

Элен (сквозь шум поезда). Что?

Уилкс. Ты дала ей таблетку?

Элен. Нет.

Уилкс. Ты же знаешь, что ее укачивает.

Элен. Она спит, Билл. И потом, я не думаю, что ее укачает. Надо же когда-нибудь попробовать отучить ее от этого.

Уилкс скептически пожимает плечами. За окнами поезда проносится ночной город.

Алиса входит на станцию «Бедфорд» и останавливается у турникета. Тони идет к кассе за входными жетонами. Алиса нетерпеливо окликает его:

— Тони, если мы пропустим поезд, придется ждать полчаса.

Тони опускает жетон, Алиса проходит.

Тони. Не волнуйся, детка. Я с тобой. (Опускает второй жетон и догоняет Алису, которая почти бежит.) Тони Гойя с тобой. Я доставлю тебя домой, бэби,

Алиса бегом поднимается по лестнице. Тони жадно смотрит сзади на ее стройные ноги, еле прикрытые короткой юбкой. Обогнав девушку на площадке, он хватает ее за плечо и поворачивает к себе.

Тони. Здесь никого нет. Я везу тебя домой. Чего ты теперь упираешься? (Хочет поцеловать ее.)

Алиса! Нет! Пожалуйста, не надо!

Она вырывается изо всех сил.

Тони отстраняет ее, продолжая придерживать за плечи, и кричит ей в лицо:

— Что с тобой такое? Для кого ты это бережешь?

Алиса. Ни для кого.

Тони (яростно трясет ее за плечи).

Тогда в чем же дело? Ты что думаешь, нашла себе дурачка? Да если бы я знал, что так будет, я бы тебе и не позвонил! (Берет Алису за подбородок и насильно поворачивает ее лицо к себе. Говорит с плохо сдерживаемой злобой.) Послушай, что я тебе скажу, девочка. Хочешь со мной встречаться — вырастай, да побыстрее. Понятно?

Он резко отворачивается и пускается бежать вверх по лестнице. Алиса растерянно смотрит ему вслед. Но он скрывается за поворотом, ни разу не обернувшись. Только его шаги гулко стучат по железным ступенькам.

Нерешительно постояв с минуту, Алиса медленно начинает подниматься. На площадке она останавливается. Потом снова идет вверх и выходит на платформу. Она сразу видит Тони, но останавливается чуть поодаль и тихо окликает его:

— Тони...

Тони жует резинку и не обращает на нее никакого внимания. Алиса делает шаг к нему.

Алиса (робко). Тони...

Тони. Отвяжись. Что тебе надо?

Алиса (подходит к нему вплотную). Тони, мне очень жаль...

Тони (сварливо). Да, да, тебе жаль. Мне тоже.

Алиса. Тони, мне не надо вырастать.

Тони ясно, что девушка сдастся, но он хочет закрепить свою победу.

Тони. Ах, тебе не надо вырастать? Нет, деточка, тебе еще расти да расти. А теперь иди гуляй, понятно?

Алиса. Я уже взрослая, Тони.

Тони. Ну да, конечно.

Теперь Алиса осторожно пытается повернуть его лицо к себе. Он резко отдергивает голову.

Тони. Отстань, слышишь?

Но она с мягкой настойчивостью берет его лицо в ладони — он отворачивается, но уже не так резко — и еле слышно говорит:

— Испытай меня.

Это полная капитуляция. Тони присталь-

но смотрит на девушку и говорит тихо и жадно:

— Я тебя испытаю.

Долгий поцелуй. Вдали нарастает шум и на станцию влетает поезд. Отсветы мелькают на лицах Алисы и Тони.

Тони. Я был прав, да? Да? Ну скажи Прав?

Алиса смущенно кивает. Тони чмокает в щеку.

Поезд останавливается. Тони, обняв Алису, входит с ней в последний вагон. Даже не взглянув на пьяного, он увлекает девушку в конец вагона, продолжая целовать ее на ходу. Не разжимая объятий, они опускаются на скамейку, прямо напротив Уилксов, и сливаются в долгий поцелуй.

Уилксам неловко. Оба смущенно отводят глаза, потом невольно переводят взгляд на юную пару. Тони на мгновение отрываясь от губ Алисы.

Тони. Ну, чего уставились?

Уилксы вздрагивают и опускают головы. Элен, вздохнув, еле заметно улыбается своим мыслям. Тони жадно осыпает Алису поцелуями.

Тони. Знал бы я, что так будет, я бы раздобыл денюжку и взял напрокат машину. Ну, в следующий раз. Хочешь?

Алиса кивает. Тони снова целует ее. Уилксы сидят, не поднимая головы. Поезд начинает замедлять ход — близко следующая станция.

Станция «Кингсбридж». Чета Беккерманов осилила лестницу и выходит на платформу. Беккерман продолжает ворчать:

— В мое время, когда старики нуждались в помощи, дети кидались к ним со всех ног, можешь мне поверить! Так полагалось!

Миссис Беккерман. Хватит, я устала.

Слышен шум поезда.

Беккерман. Отец, который свое отжил, заслуживает внимания! Он имеет на это право!

Поезд подходит к платформе. Беккерманы входят в последний вагон. Миссис

Беккерман садится было напротив спящего пьяницы, но Беккерман жестом заставляет ее подняться, и они проходят дальше. Миссис Беккерман опускается на ту же скамью, где сидят Уилксы. Взгляд Беккермана падает на сидящих напротив Тони и Алису, которые продолжают целоваться, не обращая ни на кого внимания. Он негодуяше указывает на них жене:

— Вот еще один бездельник... Тоже гордость отца, наверно!

Он усаживается рядом с женой, возмущенно поглядывая на целующуюся пару. Поезд выезжает на эстакаду и набирает скорость. На полном ходу он пронесится мимо многоэтажного жилого дома с ярко освещенными окнами.

В одной из квартир этого дома подходит к концу вечеринка. Шумно. В просторной гостиной, обставленной элегантною мебелью, хозяйка около бара разливает коктейли. Хозяин, окруженный гостями, стоит посреди комнаты.

Хозяин. И вот мы проходим мимо этого автомобильного салона, и Клэр говорит: «Давай заглянем на минутку».

Хозяйка передает коктейль Гарри Первису. Это застенчивый человек средних лет, в очках с толстыми стеклами. Он неловко берет бокал и расплескивает его содержимое прямо на юбку гостьи, сидящей возле бара. Смущенно извиняется.

Хозяин. Я, как дурак, ничего не подозреваю, думаю — что случится, если мы поглядим на машины?

Первис подходит к хозяину и осторожно дотрагивается до его плеча, желая попроситься. Хозяин, не замечая его, увлеченно продолжает рассказывать:

— Если она ожидает, что я выложу шесть тысяч долларов за «Линкольн», она просто не в своем уме.

Первис подходит к своей жене, Мюриэли, которая, напряженно улыбаясь, в одиночестве сидит в кресле. Это красивая блондинка в черном. В мягком свете торшера она кажется совсем молодой. В аккуратно уложенных светлых волосах — кокетли-

вый черный бантик. Первис передает ей бокал.

К хозяину подходит еще один из гостей. Хозяин. Что такое, Уилл? Вам пора? Погодите минутку, дайте я доскажу. И знаете, чем все это кончилось?

Первис присаживается на ручку кресла, в котором сидит Мюриэль. Она отпивает глоток из бокала и внимательным взглядом провожает меховой шарф, накинутый на плечи проходящей мимо гостьи.

Хозяин. Мне не удалось вытащить Клэр из машины, пока я ее не купил!

Гости смеются. Хозяйка в шутовом раскаянии указывает на себя.

Первис показывает Мюриэли циферблат своих часов. Она берет сумку и встает.

Мюриэль. Спокойной ночи всем.

Хозяин. Как, и вы тоже?

Первис. Да, уже поздно.

Первисы одеваются в передней. Хозяин провожает их до дверей.

Хозяин. Слушайте, не пропадите надолго.

Первис. О'кей.

Мюриэль. Конечно, не пропадем, правда, милый?

Первис. Мы прекрасно провели время, Джерри.

Хозяин. Ну, счастливо.

Мюриэль. Может быть, мы как-нибудь покатаемся в вашем «Линкольне».

Хозяин. Почему бы и нет? Спокойной ночи.

Они прощаются, и Первисы выходят на площадку. Едва за ними захлопывается дверь, как Мюриэль мгновенно перестает улыбаться и стряхивает руку мужа со своего плеча. Не оглядываясь, она идет вперед. Первис плетется за ней.

Филип Карматти и Феликс Телфинджер ждут поезда метро на надземной станции «Фордхэм». Опершись на перила под фонарем, они смотрят вниз, на ночной город. В своих одинаковых пилотках они выглядят очень юными и даже похожими друг на друга.

Телфинджер. Слушай-ка, а этот

поезд нас точно довезет до Центрального вокзала?

Карматти. Конечно. Минут тридцать ехать до Центрального, потом автобусом до Таймс-Сквер, а там конечная твоего автобуса.

Телфинджер кивает. Пауза.

Карматти. Мне одна мысль в голову пришла.

Телфинджер. Какая?

Карматти. Хочешь, махнемся? Я тебе отдам свою увольнительную на все воскресенье, а ты мне свой месячный отпуск после несчастного случая.

Телфинджер. Ну нет, спасибо.

Карматти. Нет?

Телфинджер. Нет, благодарю. Знаешь, братишка, ну и наелся я сегодня!

Карматти. Тебе понравилось?

Телфинджер. Понимаешь, я раньше никогда не пробовал это блюдо... как его... лазанья*?

Карматти. Лазанья.

Телфинджер. Лазанья. Вкусная штука.

Карматти. Да...

Они снова умолкают.

Телфинджер. Славная у тебя семья, Фил.

Карматти. Спасибо, Феликс. Я рад, что они тебе понравились.

Телфинджер. И папа у тебя хороший. Добрый такой.

Карматти. Да, старик подходящий... Ты его хорошо понимал?

Телфинджер улыбается.

Телфинджер. Я-то его понимал. Вопрос в том, понимал ли он меня?

Карматти (смеется). Они, по-моему, немножко испугались, когда увидели твою руку.

Телфинджер. Я знаю. Волнуются они за тебя, да?

Карматти. Вечно волнуются. У тебя нет родителей, Феликс?

Телфинджер. Нет. Они... ну, в общем, умерли, когда я был маленький.

Карматти. Ох, прости.

* Лазанья — лапша (итал.).

Телфинджер. Я их почти не помню. Карматти. А что ты будешь делать после?

Телфинджер. Да не знаю... Ничего, верно, на ферме буду работать... или на заправочной станции. Не знаю. Нет у меня особых планов. А ты?

Карматти. Я жду не дожусь, хочешь учиться дальше. На юриста. А там... пятьдесят тысяч в год... может быть.

Телфинджер. Пятьдесят?

Карматти. А может, и сто.

Телфинджер. Да ну тебя.

Карматти. А то и еще больше.

Телфинджер. А ты честолюбивый братишка.

Вдали нарастает гул поезда.

Телфинджер. Пошли, поезд идет. Они отходят от перил. Последний вагон останавливается как раз перед ними. Карматти входит в переднюю дверь. Телфинджер хочет войти в среднюю, не заметив что над ней висит объявление: «Извините дверь не исправна. Починим в конце маршрута». Он ждет — дверь не открывается. Тогда он направляется к задней двери. Карматти окликает его:

— Эй, Феликс! Сюда, в эту дверь быстрее!

Телфинджер. Зачем? Вот же еще одна.

Но и задняя дверь упорно остается закрытой. Карматти придерживает створку передней двери и машет товарищу.

Карматти. Давай сюда, не могу же я держать ее до утра!

Телфинджер вбегает в переднюю дверь она закрывается, и поезд трогается.

Телфинджер (недоуменно пожимает плечами). А что случилось вон с той дверью, в конце?

Карматти. В последнем вагоне заднюю дверь никогда не открывают.

Телфинджер. А, прошу прощения. Ты знаешь, я к этим вещам непривычный.

Они садятся, снимают пилотки.

Карматти. Тебе на какой автобус нужно, чтобы добраться домой?

Телфинджер (достаёт из-за пюльницы расписание, листает его). Сейчас посмотрим... Если я сажусь на этот, в тринадцать, он довезет меня до Сент-Луиса... а там я пересяду на какой-нибудь в южном направлении.

Мерно постукивают колеса поезда. Уилксы молчат. Алиса и Тони по-прежнему целуются без остановки. Миссис Беккерман достала вязанье и мирно занялась им, а Беккерман все еще не может успокоиться.

Беккерман. Когда он был младенцем, я его изо рта кормил! Что, разве не так?

Миссис Беккерман. Сколько можно это повторять?

Беккерман. Разве не было так, что я ходил раздетый, а его одевал? Разве я не дал ему образование? А теперь, выходит, я ему чужой?!

Миссис Беккерман. Тише, ты мне мешаешь считать петли.

...Поблескивают рельсы под фонарями, разбегаются на стрелках. Пролетает мимо встречный поезд. За окнами мелькают огни ночного Нью-Йорка.

На мокрую мостовую падает свет из окна бара. Над дверью вывеска — «Бар-ресторан Джерри». Внутри почти нет клиентов. Одиноким посетителем — сумрачный молодой человек по имени **Отис**, смуглый, в вельветовом пиджаке, сидит у стойки, неподвижно глядя на свой пустой стакан. Бармен окликает его, проходя мимо: — Еще налить?

Отис медленно качает головой. Бармен облокачивается на стойку напротив двух далеко не молодых особ сомнительного пошиба. Кроме них и Отиса, в баре никого нет, а бармену хочется поболтать.

Бармен. Ну девочки, кто из вас сегодня провожает меня домой?

Женщины визгливо хохочут, встряхивая растрепанными кудряшками. Лица у обеих усталые, в морщинах под толстым слоем дешевой косметики.

В бар входит молодой человек и садится к стойке неподалеку от Отиса. До-

стает сигареты, закуривает. Отис поднимает голову и пристально смотрит на вновь пришедшего. Бармен сказал женщинам что-то вполголоса, и они снова прыснули. Отис подвигается ближе к молодому человеку, но не успевает заговорить — тот уже машет рукой приятелю, стоящему на пороге.

Прияатель. Ты заказал выпить? Он подходит к стойке и садится.

Молодой человек. Нет, как раз собирался. Эй, бармен, парочку виски! И содовой.

Отис встает, проходит мимо хохочущих женщин, окинув их сумрачным взглядом, и открывает дверь с надписью: «Мужская».

В уборной грязные, обшарпанные стены. Сквозь дверь с матовым, давно не мытым стеклом доносится визгливый смех веселых особ. Отис наклоняется над унитазом — его тошнит.

На улице перед окном бара останавливается прохожий. Это **Дуглас Маккэн**, пожилой человек с усталым, помятым лицом. Прядь редющих волос начесана на лоб, чтобы скрыть залысины на висках. Он затягивается сигаретой и жадно смотрит сквозь стекло, не решаясь войти.

Молодой человек у стойки. Понимаешь, он поплевал на мяч, я сам видел. Все дело в этом. Иначе бы ему ни за что меня не побить.

Маккэн, затянувшись в последний раз, бросает сигарету на тротуар, входит в бар и садится у стойки.

Молодой человек. Понимаешь, замах получается совсем другой. Вот смотри. (Встает и показывает приятелю бейсбольный бросок.)

Прияатель. Тут дело не в замахе, в пальцах все дело.

Бармен направляется к Маккэну.

Бармен. Что будете заказывать? Маккэн вытирает лоб платком и нерешительно отвечает:

— Стакан воды.

Он пьет воду медленно, закрыв глаза.

Лицо у него мрачное и напряженное. Сделав несколько глотков, он отставляет стакан и встает. Пройдя мимо приятелей, продолжающих обсуждать проблемы бейсбола, он входит в уборную.

Отис полощет рот над грязной раковиной. Возле нее зеркало в подтеках и два объявления: «Просьба спускать воду после пользования уборной» и «Обслуживающий персонал, мойте руки перед тем, как покинуть это помещение». Маккэн, извинившись, проходит позади Отиса в кабинку.

Отис наливает воду в раковину и плещет себе в лицо. Не глядя, тянется за бумажной салфеткой, но коробка для салфеток пуста. Кое-как стряхнув воду с рук, он достаёт носовой платок и утирается им. Маккэн тоже подходит вымыть руки. Обнаружив, что салфеток нет, он **раздосадованно** качает головой:

— Салфеток нет.

Он лезет в карман брюк. Отис протягивает ему свой платок.

Маккэн. Нет, спасибо. Вечно здесь не бывает салфеток.

Он выходит, а Отис смачивает платок и прикладывает его к затылку.

Мюриэль Первис нервно меряет шагами платформу надземной линии метро. Тихо. Слышен лишь стук высоких каблучков **Мюриэли**. Гарри Первис сидит на скамейке, держа на коленях портфель. За спиной у него вывеска «Бернсайд авеню. Нью-Йоркский университет». Гарри понуро смотрит сквозь свои очки с толстыми стеклами прямо перед собой. Перед глазами у него назойливо мелькают ноги жены. В туфлях на высоких каблуках они кажутся еще стройными — только колени под короткой юбкой предательски выдают ее возраст.

Мюриэль резко останавливается. Гарри ерзает по скамье, чувствуя на себе ее взгляд.

Гарри. Ну, что я теперь сделал?

Мюриэль. Ничего. (Помолчав, добавляет.) В этом-то и беда.

И «ИЖ» № 8

Гарри пытается быть язвительным, хотя это плохо ему удастся.

— Надеюсь, впоследствии ты соизволишь объяснить мне, что это означает.

Мюриэль (снова принимается шагать по платформе). Ты знаешь, сколько Джерри зарабатывает в год? (Останавливается прямо перед мужем и впивается в него уничтожающим взглядом.)

Гарри неопределенно хмыкает в ответ.

Мюриэль. Знаешь?

Гарри. Нет, не знаю. И меня это не очень интересует.

Мюриэль (садится рядом с ним). Он зарабатывает восемнадцать тысяч пятьсот долларов в год.

Гарри. Молодец. Давай наградим его за это медалью.

Мюриэль (снимает перчатки и лезет в сумочку). Ты заметил, как были одеты все эти женщины?

Гарри искоса бросает взгляд на жену. Она сидит очень прямо, и волосы под черной вуалеткой у нее уложены очень аккуратно, волосок к волоску, а ее черное платье выглядит строго, но элегантно. Вот только шея, обвитая ниткой жемчуга, покрыта густой паутиной морщин — но чтобы увидеть это, надо сидеть совсем близко. Гарри вздыхает:

— Слушай, Мюриэль, если бы я знал, что это на тебя так подействует, я бы ни за что не пошел к ним в гости.

Мюриэль. Почему, милый? Это же наши старые друзья, мы столько лет не виделись. Ты что, боишься, что у меня откроются глаза? Что я увижу, чего добились другие, пока ты сидел на месте и...

Гарри. Мюриэль, в сотый раз повторяю тебе, что я не герой. Я не умею делать деньги.

Мюриэль достала пудреницу и проводит пуховкой по лицу.

Мюриэль (презрительно усмехаясь). Что верно, то верно.

Гарри. И никогда не научусь.

Мюриэль. Ты что, гордишься этим?

Гарри. Нет, просто говорю. Я не из тех, кто делает историю. Я только преподаю ее. Я... я учитель, и больше ничего. У меня есть в этом мире скромное место, с меня довольно. За пятнадцать лет ты могла бы привыкнуть к этому. От волнения Гарри слегка заикается, хотя разговор этот происходит не в первый раз.

Гарри. Если бы... если бы ты могла смириться с этим, Мюриэль, я... я, наверно, был бы счастлив... и ты... ты, наверно, тоже.

Мюриэль. Не надо громких слов. Я все это уже слышала. Ты действительно произносишь это в сотый раз.

Гарри. Что я еще могу сделать? Он в изнеможении опускает голову. Но Мюриэль не так легко разжалобить.

Мюриэль. Ты знаешь, что у всех женщин, которые там были сегодня, не меньше чем по трое детей?

Гарри (ровным голосом, который стоит ему немалых усилий). Я был у доктора, и он сказал, что у меня все в порядке.

Мюриэль. Что?

Гарри. Я говорю, что был у доктора, и он сказал, что... у меня все в порядке.

Мюриэль. Это он так говорит. Она резко захлопывает пудреницу и прячет ее в сумочку. Издали слышится шум приближающегося поезда.

Мюриэль. Посетил бы он нас как-нибудь ночью...

Поезд подходит к платформе. Мимо Первисов проплывает грязное, в подтеках оконное стекло. Мюриэль входит в вагон и, не обращая внимания на мужа, который плетется сзади, выбирает себе место на той же скамье, где сидят Тони и Алиса. Первис садится рядом с ней. Мюриэль бросает на нее неприязненный взгляд и отворачивается.

Тони нехотя отрывается от губ Алисы и смотрит ей в глаза.

— Ну, и зачем ты меня так долго мучила?

Поезд к движению трогается с места и, покачиваясь, несет дальше.

Станция метро на 176-й улице. В вестибюле пусто. Одиноким пассажир опускает жетон в турникет и усталым шагом направляется к телефонной будке в углу, на ходу шаря в кармане в поисках монетки. Это Маккэн.

Войдя в будку, он набирает номер. Когда на другом конце снимают трубку, Маккэн вздрагивает. Он сильно волнуется, хотя старается держать себя в руках.

Маккэн. Фред? Это Дуг. Ты что, только что пришел? Да нет, просто я звоню тебе с двенадцати без перерыва... Как ты развлекался? А он там был?

Он оглядывается, но на станции по-прежнему пусто. Только полисмен неторопливо пересекает вестибюль и скрывается за углом.

Маккэн. Ну как? Удалось тебе с ним поговорить? Ну и что? Он согласен? Он действительно хочет дать мне этот шанс? Завтра утром? (Нервно вытирает внезапно вспотевший лоб.)

В баре по-прежнему идет разговор о бейсболе, и две девицы все еще хихикают в углу. Отис расплачивается и выходит. На углу 176-й улицы он сворачивает к станции метро.

Маккэн *(сжимает в руках телефонную трубку). У меня восемь месяцев капли во рту не было... Я бросил... совсем бросил... Ну, будь человеком, Фред! (Тяжело дышит и, кажется, чуть не плачет.) Фред, я хочу, чтобы ко мне вернулась жена... чтобы у меня снова была семья... Нет, нет, я в полном порядке. Я приду туда, Фред, не беспокойся! Я сейчас еду прямо домой, спать...

Поглощенный разговором, Маккэн не замечает, как за его спиной в вестибюль входит Отис.

Маккэн. Фред, я... я готов тебе ноги целовать за это.

Отис видит Маккэна в телефонной будке и замирает на месте.

Маккэн. Просто не знаю, как тебя благодарить.

Дрожащей рукой он проводит по лицу.

Отис делает было шаг к выходу на платформу, но тут же поворачивает назад и, не спуская глаз с Маккэна, нерешительно направляется к будке.

Маккэн. Да, да, я тебе позвоню утром. Огромное спасибо тебе, Фред. Спокойной ночи.

Он вешает трубку и, ничего вокруг не замечая, утирает слезы. Отис подошел совсем близко и стоит у него за спиной. Маккэн поворачивается и сталкивается с Отисом. Тот улыбается, пропуская его вперед. Но едва Маккэн отошел на несколько шагов, Отис спешит за ним.

Отис. Извините, сэр... не скажете, который час?

Маккэн резко останавливается и окидывает Отиса недружелюбным взглядом.

Отис. Не скажете, который час?

Маккэн. Там в баре висели часы.

Отис. Что?

Маккэн смотрит на него с отвращением.

— Там в баре висели часы. Прямо над стойкой.

Отис. Ах, мы, оказывается, были в одном и том же баре...

Маккэн. Что вам нужно? А ну, катись отсюда.

Отис. Подождите минутку...

Маккэн. Проваливай!

Отис. Ладно, ладно. Извините. (Отступает на несколько шагов и останавливается.) Послушайте, я... я не хотел...

Маккэн. Я кому сказал?

Отис молча поворачивается и выходит на платформу. Проводив его угрюмым взглядом, Маккэн тоже выходит на платформу. Они стоят поодаль, украдкой наблюдая друг за другом.

Слышится гул приближающегося поезда. Платформу заливают свет про-

жектора. Последний вагон останавливается перед Маккэном. Он входит в переднюю дверь. Когда дверь начинает закрываться, Отис бегом кидается к ней и успевает протиснуться внутрь.

Маккэн устало опускается на ту же скамью, где по-прежнему храпит пьяный. Отис, очутившись в освещенном вагоне, среди людей, нерешительно останавливается, потом делает попытку к бегству. Он поворачивает ручку двери, ведущей в соседний вагон. Дверь не подается. Маккэн презрительно смотрит на него. Тогда Отис усаживается поодаль от двух приятелей, исподтишка поглядывая на Маккэна. Тот отворачивается.

Поезд набирает скорость. Пьяный хрипло постанывает во сне.

Над кассой на станции метро «Авено Эдем» висит надпись: «Жетон — 20 центов. Просьба называть требуемое количество». Худой благообразный старик кассир возится у турникетов — складывает в металлическую корзинку пустые ящички из-под монет и делает пометки в блокноте.

К кассе подходит Арнольд Робинсон. Это высокий, атлетически сложенный негр. Воротничок безупречно отглаженной рубашки с галстуком кажется тесным для его могучей шеи. Его жена Джоан, хрупкая женщина с кожей немного светлее, чем у мужа, ждет, пока он купит жетоны.

Однако кассир вовсе не торопится отойти от турникета. Робинсон нетерпеливо окликает его:

— Эй, послушайте!

Мельком взглянув на него, кассир продолжает заниматься своим делом.

Робинсон. Мы торопимся!

Но кассир невозмутим. Не поворачивая головы, он бормочет:

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь... дольше проживете...

Робинсон (начинает закипать). Эй, вы там, поезд уже подходит!

Кассир не спеша поднимает свою

корзинку и плетется к кассе, приговаривая на ходу:

— Еще много времени... времени еще полно... — Войдя в кассу, выжидательно обращается к Робинсону: — Ну, сколько? Сколько, парень? Два?

Робинсон. Да, приятель, два. А вы что, еще кого-нибудь здесь видите? Он просовывает деньги в окошечко. Кассир кладет перед ним два жетона и еле заметным движением сбрасывает один из них на пол.

Робинсон (не нагибается за жетоном). Эй, мистер, что это значит?!

Кассир (смотрит на него из-за решетки невинными глазами). А что случилось?

Робинсон. Вы сбросили жетон на пол.

Кассир. Да? Очень жаль.

Робинсон. Мне тоже очень жаль, так что выйдите-ка оттуда и поднимите его.

Джоан подходит сзади к мужу. У нее обеспокоенный вид.

Кассир (отмахивается от Робинсона, как от назойливой мухи). Да ладно тебе, парень.

Робинсон (уже весь дрожит от гнева). Ты слышал? Я сказал, выйди и подними жетон!

Кассир ни на секунду не теряет хладнокровия. Впрочем, он знает, что за толстыми прутьями решетки он в безопасности.

Кассир. Слушай, я же сказал, что мне очень жаль.

Робинсон. Я поднимать его не буду!

Кассир. Ну и не поднимай.

И он отворачивается.

Робинсон. Нет, выйди и подними жетон или давай мне деньги обратно!

Но тут Джоан быстрым порывистым движением нагибается и поднимает жетон.

Робинсон (молниеносно оборачивается к ней). Джоан, не смей!

Джоан. Арнольд, ну пожалуйста!

Робинсон. Я сказал, не поднимай! **Джоан.** Милый, но это не так уж важно.

Робинсон. Для меня это важно! Кассир, забавляясь, наблюдает за ними из-за решетки.

Джоан (поспешно направляется к турникету, опускает жетон и проходит). Ты вечно нарываешься на неприятности и когда-нибудь нарвешься. (Отходит подальше и выжидательно смотрит на мужа.)

Робинсон. Джоан! (Оборачивается к кассиру, который уже неприкрыто ухмыляется прямо ему в лицо.) А ну, выйди из своей будки, и я тебе сотру эту улыбочку с физиономии!

Кассир. Да, да, да, как же...

Робинсон. Да, да, да! Ах ты, грязный подонок!

Он поворачивается на каблуках и, бросив жетон в турникет, догоняет Джоан. Кассир, сразу осмелев, кричит ему вслед:

— Нахальная образина!

Робинсон застывает на месте.

— Это верно, я нахальный! Только попадись мне еще раз — я тебе шею сверну!

Кассир. Ишь какой приткий!

Робинсон. Подонок! Подонок!

Прокричав это громовым голосом, он бросается вдогонку за женой. Кассир удовлетворенно смотрит им вслед.

Робинсон. Зачем ты подняла? Он ведь сбросил его нарочно!

Джоан. Ну какое это имеет значение?

Они поднимаются на платформу, и их голоса заглушает шум приближающегося поезда.

В последнем вагоне вполголоса, но отчаянно ссорятся Уилксы.

Эллен. Знаешь, в чем твоя беда? Ты не умеешь радоваться жизни.

Уилкс. Ах, я не умею радоваться жизни?

Эллен. Не умеешь!

Уилкс. Только идиоты способны ни о чем не беспокоиться!

Эллен. Не кричи так!

Уилкс. Господи, кто бы знал, сколько раз я не мог глаз сомкнуть до трех утра, а ты в это время спала, как убитая...

Эллен со вкусом зевает и поправляет ножки Сюзи у себя на коленях. Напротив них миссис Беккерман мирно вяжет, беззвучно шевеля губами. Беккерману наскучила поездка, ему хочется поговорить.

Беккерман. Что ты сказала?

Миссис Беккерман. Ничего я не говорила.

Беккерман. Конечно, старики должны помогать молодым... Разве я против? Но потом молодые обязаны помогать старикам! Обязаны!

Миссис Беккерман. Это верно.

Беккерман. Если не они, кто же нам будет помогать?

Миссис Беккерман (думая о своем). Я не знаю.

Беккерман. Но эта нынешняя молодежь!

Поезд проскакивает стрелку, подъезжая к станции «Авеню Эдем».

На ее замусоренной дощатой платформе тоже происходит супружеская ссора. Арнольд и Джоан Робинсон стоят поодаль друг от друга. Робинсон почти кричит, не глядя на жену. Джоан, наоборот, говорит еле слышно и не сводит с него глаз.

Робинсон. Так за кого же ты — за меня или за Белого Хозяина?

Джоан. На это я даже и отвечать не стану. Я твоя жена. Но факт остается фактом: все можно делать правильно и неправильно...

Робинсон. Читай проповеди своим лодырям, которым ты раздаешь благотворительные подачки! Со мной нечего проводить эту дурацкую социологическую работу, ее придумали белые!

Джоан. В социологической работе нет ничего дурацкого.

Робинсон. Да, да, я все это знаю!

Он начинает возбужденно мерить шагами платформу.

— Вы с белыми господами усаживаетесь, попиваете чаек и рассуждаете: «Что же нам делать с этими бедняжками цветными?» Какая чушь! И учи — я не сторонник ненасильственных действий. Так что не пытайся больше затянуть меня на идиотскую дискуссию, вроде сегодняшней!

Джоан (грустно отворачивается, опустив голову). Если бы только у тебя хватило выдержки, чтобы дослушать его до конца... а потом, ты мог бы задать ему вопросы... Арнольд...

Робинсон. Дослушать! Да ты помнишь, о чем он говорил? Ждите! Только подождите, братья и сестры, следующие сто лет для нас, цветного народа, будут гораздо легче. А от нас требуется только сидеть и ждать. Ждать во имя господи и вопить: «Аллилуйя!»

Джоан (по-прежнему тихо, но настойчиво). Арнольд, ты же знаешь, что он не говорил ничего подобного. (Делает шаг к мужу.) А то, что он действительно сказал, гораздо разумнее, чем то, что ты вытворял сейчас у кассы.

Робинсон (взвизгивает, как ужаленный). Ни одному белому наглецу я не позволю себя оскорблять!

Джоан. Ты это вполне доказал. Но...

Робинсон. Я им не позволяю себя оскорблять, и за это они меня ненавидят. А я их ненавижу в ответ. Мы в армии пели: «Господа восславим, патроны раздадим!» Вот песня, которая нам сегодня подходит! А не эти псалмы.

Джоан (вздыхая, качает головой). Ах, Арнольд... времена меняются, и ты это знаешь. Надо набраться терпения.

Робинсон. Ждать! И ты о том же! Ждать! Но у меня есть новость для тебя, бэби, — ждать больше некогда! Можешь участвовать в пикетах, доби-

ваться законности, ходить на демонстрации хоть отсюда до преисподней и обратно — толку все равно не будет! Мы воюем, бэби, а когда воюешь, приходится драться! И если хочешь перемен, придется пролить кровь!

Джоан подходит ближе и тревожно смотрит на него.

Робинсон. И если какой-нибудь белый наглец посмотрит на меня косо, он получит билет на кладбище, в один конец!

Джоан. Ты ведь на самом деле так не думаешь. (У нее прерывается голос.) Ты ведь так не думаешь, потому что... потому что тебя могут застрелить.

Робинсон. Что ж, если до этого я успею отправить кое-кого из них на тот свет, мне больше ничего не надо. Ничего!

Они умоляют. Издали слышится гул, и из-за поворота показывается поезд. Свет из его окон падает на взволнованные лица Робинсонов. Когда двери раздвигаются, Арнольд порывисто входит в последний вагон, Джоан идет за ним. Они садятся неподалеку от Отиса. Робинсон бросает брезгливый взгляд на пьяницу, храпящего на скамье.

Поезд трогается с места.

Феликс Телфинджер, искоса глядя на Филипа, задумчиво потирает лоб. Вполне серьезно он обращается к товарищу:

— Слушай, сынок... когда станешь важным большим законником... не забудешь старину Феликса?

Карматти. Конечно, сынок. Как я могу забыть...

Телфинджер. Нет... нет, ты погоди. Я вполне серьезно. Понимаешь, я просто подумал — может, надо заранее запастись твоим автографом. Знаешь, так... полюбоваться в дождливый день.

Карматти. Ну, что ж. Ручка есть у тебя?

Телфинджер. Есть, есть. (Достает ручку и протягивает ее Карматти.) Я у тебя в долгу не останусь. Давай здесь,

прямо на гипсе. (Подставляет Филипу руку.)

Карматти старательно выводит свою подпись на гипсовой повязке Феликса.

Телфинджер. Вот спасибо большое.

Он откидывается на спинку сиденья.

А Уилксы все продолжают ссориться.

Эллен. Ну, и почему же его уволили?

Уилкс. Не знаю, почему. Уволили, вот и все. Это может случиться с кем угодно. Со мной, например!

В раздражении он почти выкрикнул эту фразу. Эллен подносит палец к губам.

— Тише!

Уилкс. Но почему ты не способна это понять?

Эллен. Довольно, Билл. Я не хочу больше спорить. Что тебе от меня нужно?

Уилкс. Ничего мне от тебя не нужно. Но ты бы для разнообразия тоже могла иногда поволноваться.

Эллен пожимает плечами и переводит взгляд на Тони и Алису.

Алиса отрывается от губ Тони и что-то шепчет ему на ухо.

Тони. Что? Не слышу.

Алиса. Я сказала — жаль, что мы не можем куда-нибудь поехать.

Тони. Поняла, о чем я говорил? Поняла, что значит — сделать человека счастливым? В следующий раз, бэби. Мы поедем куда-нибудь, можешь мне поверить.

Они снова сливаются в долгом поцелуе.

В вагоне наступает тишина. Слышен только мерный стук колес...

К платформе станции метро «170-я улица» ведет крутая железная лестница. По обе стороны от нее — голые кирпичные стены домов. Ни одно окно уже не светится. Только уличный фонарь отрабывает резкие тени на мостовую.

Внезапно безлюдную улицу оглашает

гиканье и вой. Из-за угла появляются Ферроне и Коннорс. Они в игривом настроении. Ферроне сталкивает Коннорса с тротуара, тот пытается подставить ему подножку. Грохоча по ступенькам, они с хохотом и криками, обгоняя и отталкивая друг друга, взбегают на платформу. Вдали на эстакаде показывается поезд. Поблескивая уютно светящимися в темноте окнами, он сбавляет ход перед станцией.

Пассажиры в последнем вагоне приумолкли. Кто дремлет, кто думает о своем. Миссис Беккерман по-прежнему вяжет, и по-прежнему упоенно целуются Тони и Алиса, и так же беспробудно спит пьяница, разметавшись на скамье.

Но едва поезд останавливается и раздвигаются двери, безмятежная тишина нарушается диким воплем. В вагон влетает Ферроне. Коннорс сидит на нем верхом и орет что-то невнятное. Зацепившись по-обезьяньи за стойку в конце вагона, Ферроне описывает круг и стряхивает Коннорса с плеч. Оторвавшись от стойки, он делает вид, что не может удержаться на ногах, и валится прямо на колени Первису.

Вагон весь дрожит от воплей и топота. Пассажиры обеспокоенно следят за обоими парнями.

Ферроне сползает с колен Первиса и растягивается на полу, прямо у ног Алисы и Тони. Вскочив, он чмокает себя в ладонь и на ходу припечатывает ее к щеке Алисы. Шатаясь, он сталкивается с Коннорсом посреди вагона. Коннорс толкает Ферроне на скамью, а сам с гогогом отбегает в конец вагона и, повиснув между стойками, начинает раскачиваться, дрыгая ногами.

Ферроне, развалившись на сиденье, срывает с Карматти пилотку и напяливает ее на себя. Коннорс с радостным воем хлопает в ладоши. Карматти спокойно отбирает пилотку. Ферроне мельком бросает на него оценивающий взгляд. Коннорс подбегает и шлепается на сиденье рядом с Ферроне. Поезд за-

медляет ход, приближаясь к следующей станции.

Коннорс. Чего это он еле тащится?

Ферроне (толкает его ладонью в лоб). А ты выйди да подтолкни его!

Коннорс. Чего это я буду толкать?

Ферроне. Тогда заткнись.

Поезд останавливается у платформы «167-я улица».

Коннорс (подскакивает к двери высовывается и орет благим матом) Эй, машинист, поехали! Давай, жми!

Дверь закрывается. В последний момент Коннорс отпускает створку. Его взгляд падает на спящего пьяницу. Ни лице его появляется восторженная ухмылка.

— Эй, Джо, гляди!

Он подбегает к пьянице и стягивает у него с ноги рваный башмак. Пьяница по-прежнему неподвижен. Пассажиры настороженно молчат.

Ферроне. Это что, твой папаша?

Коннорс обнюхивает башмак, скорчив брезгливую гримасу.

Коннорс. Нет, это не мой папаша, а твой!

Он запускает башмаком в Ферроне. Тот ловит его на лету и бросает обратно Коннорсу.

Ферроне. Да? А ну-ка, разбуди его.

Коннорс (лупит пьяницу башмаком по ноге). Эй, отец, пора вставать! С новым годом!

Но тот недвижим. Ферроне и Коннорс раздражаются хохотом. Коннорс повисает на поручнях, раскачивается прямо над головой спящего и орет, подражая разрыву снаряда:

— У-у-у-у... бум! Тра-та-та! Тра-та-та!

Пьяница только вытягивает поудобнее ногу в продранном носке. Это вызывает новый приступ хохота у обоих приятелей.

Уилксы придвинулись поближе друг к другу.

у и л к с. Видишь? Вот что бывает, когда разъезжаешь по городу в два часа ночи.

Эдлен. Но я хотела взять такси.
Коннорс (оборачивается к Ферроне). Он все равно что покойник.

Ферроне. Не умеешь ты с ним справиться. Возьми спички, он живо прснется.

Койнорс. Верно! Эй, приятель, хочешь согреться? А? Хочешь согреться?

Он колотит **пьяницу** башмаком по ноге, тот не реагирует. Ферроне хохочет. Коннорс корчится от смеха.

Первис раскрыл портфель, достал какие-то бумаги и с подчеркнутым равнодушием углубился в чтение. Мюриэль бросает беспокойные взгляды в сторону Коннорса.

Мюриэль. Что они к нему привязались?

Коннорс втыкает спичку в дырявую подметку башмака бродяги. Поджигает ее и ждет, предвкушая эффект. Однако ничего не происходит.

Мюриэль. Что они к нему привязались?

Но Первис делает вид, что ничего не слышит.

Коннорс. Нет, этому требуется бомба, не иначе. (Снова наклоняется над спящим.)

Алиса и Тони перестали целоваться. Алиса пугливо выглядывает из-за плеча Тони.

Алиса. Что они с ним делают, Тони?

Тони. Да ничего. Это же просто бродяга. Ничего.

Коннорс, не торопясь, по одной, вставляет несколько спичек в рот спящего. При этом он напевает песенку «Он замечательный парень», а Ферроне, наблюдая за происходящим, лениво хлопает в ладоши в такт песенке.

Тут раздается голос Маккэна:

— Эй, парень!

Коннорс, напевая себе под нос, аккуратно продолжает прилаживать спички.

Маккэн (утирает пот со лба). Эй, парень!

Коннорс зажигает спичку и собирается поднести ее к небритой физиономии пьяницы.

Маккэн. Эй, парень!

Коннорс (не разгибаясь, искоса взглядывает на него). Это ты мне?

Маккэн. Что ты к нему привязался?

Коннорс (выпрямляется, держа зажженную спичку). Я? А я ничего не делаю.

Маккэн. Он тебе не мешает.

Коннорс. Ну и что? И я ему не мешаю.

Маккэн. Так что ты к нему привязался?

Ферроне (лениво выпрямляется на сиденье). Эй, мистер, это что, ваш приятель?

Коннорс с любопытством следит за Маккэном, повиснув на поручне. Маккэн сидит, не поворачивая головы.

Ферроне. Эй, мистер, я с вами разговариваю.

Он **перегибается** через проход к Маккэну и хлопает его по колену.

— Приятель ваш, да?

Он с ухмылкой кивает на пьяницу. Маккэн отвечает ровным голосом:

— Нет, он мне не приятель.

Ферроне (изображает на лице крайнее удивление). Тогда какое вам дело? Вас что, спрашивали?

Маккэн. А в чем дело?

Ферроне (оживляется). Не знаю. Вот вы мне и скажите, в чем дело.

Маккэн. Так можно покалечить человека, вы же знаете.

Ферроне. Я ничего не знаю. Арти, а ты это знаешь?

Коннорс пожимает плечами с непонимающим видом.

Ферроне. А вы доктор, что ли?

Он встает, делает шаг к Маккэну и, схватившись обеими руками за поручни, нависает над ним. Маккэн сидит неподвижно.

Ферроне. Может, хотите речь произнести, мистер? Давайте, я послушаю.

Глядя сверху вниз на Маккэна, он покачивается на поручнях.

Коннорс. Речь! Речь!

Маккэну стоит больших усилий сохранять спокойствие.

Маккэн. Я не хочу произносить никаких речей. Что вы к нему пристали? Дайте ему проспать. Он никому не мешает. Ему и без вас несладко.

Весь вагон замер, наблюдая за происходящим.

Ферроне. Да? А откуда вам известно, что ему так несладко? Он, наверно, ваш друг. Арти, кончай лучше. Этот парень — его друг.

Коннорс (изображает на лице страх и смущение). Ну да? Серьезно?

Ферроне садится вплотную рядом с Маккэном. Тот отодвигается.

Ферроне. Я хочу вас спросить, мистер. Откуда вы знаете, что он спит? А может, он покойник?

Он подталкивает Маккэна плечом. Маккэн отворачивается и смотрит в сторону.

Ферроне. А? Откуда вы знаете, что он живой?

Маккэн. Вы же видели, он двигался. Вы сами знаете, что он жив.

Ферроне. Да, я видел, как он двигался, а откуда вы знаете, может, это судорога?

Коннорс, в восторге от остроумия приятеля, разражается хохотом.

Ферроне. Предсмертная судорога — слышали про такую штуку? Вы же все знаете, неужели про предсмертную судорогу не слышали? Ну, что молчите? Сам затеял этот разговор, а теперь помалкиваешь?

Теперь в его голосе явственно звучат угрожающие нотки. Для нервов Маккэна это слишком большое испытание. Все остальные сидят, не шелохнувшись.

Маккэн (тихо, устало). Забудем об этом.

Ферроне. Забудем?

Одержав первую победу, он мгновенно наглет. Обращаясь к **притихшим** пассажирам, он громогласно заявляет

— Как вам нравится этот парень? Сует нос не в свое дело, а потом говорит — забудем.

Он презрительно смотрит на Маккэна. Тот утирает пот со лба.

Ферроне. Эй, Арти! По-моему все в порядке. Они больше не друзья.

Коннорс (мгновенно откликается). А это точно?

Ферроне. Точно, точно.

Провожаемый хохотом Коннорса, он не спеша встает и, скорчив Маккэну презрительную гримасу, садится на прежнее место. Маккэн сидит неподвижно, сцепившись пальцами в колено, чтобы унять дрожь в руках.

Ферроне достает бутылку, отвинчивает пробку и делает глоток. Коннорс, подбоченившись, кивает **Карматти** и **Телфинджеру**:

, — А вы как? Может, он ваш друг?

Карматти опускает глаза. Телфинджер отрицательно качает головой.

Коннорс (переводит взгляд на Отиса). Может, он ваш друг?

Отис смотрит в сторону. Но Коннорс не отстает. Он кивает на пьяного:

— Погреть его, а?

Отис ежится под его взглядом, но еле слышно бормочет:

— Нет... не надо.

Коннорс (приставляет ладонь к уху). Что?

Отис. Ничего.

Коннорс (удовлетворенно разваливается возле пьяного). Прошу прощения, а то я не расслышал. (Нагнув голову, он пристально рассматривает Отиса и проникновенно говорит.) Вы не хотите, чтобы ему было больно, да?

Отис. Да.

Коннорс (серьезно). И я тоже. Я ни за что бы не сделал ему больно.

Ферроне разражается хохотом. Коннорс, не выдержав, ухмыляется. Осталь-

ные молчат. Джоан Робинсон достает из сумочки книгу и раскрывает ее. Конноре снова становится серьезным. Он встает, подходит к Отису и опускается перед ним на корточки, вкрадчиво заглядывая ему в глаза.

Конноре. Не бойтесь. Я вам ничего не сделаю. Нет у вас сигареты? Можно у вас попросить сигарету?

Отис нерешительно лезет в карман и достает пачку сигарет. Протягивает Конноре. Зажигает спичку. В это мгновение Коннорс тоже чиркает спичкой. Отис вздрагивает и слегка откидывается назад. Но видя, что Коннорс не проявляет враждебности, он дает ему прикурить от своей спички.

Конноре. Спасибо. (Глубоко затачивается и ласково смотрит на Отиса.) Послушайте, как вас зовут?

Отис. Кен.

Конноре. А, значит, Кеннет? А меня Арти.

Он протягивает Отису руку. Отис видит, что она забинтована.

Конноре. Это я в метро упал с лестницы. Завязал, как попало...

Отис робко поправляет повязку, затачивает ее потуже. Он заметно волнуется. Весь вагон не спускает с них глаз.

Конноре. Вот спасибо большое. А то левой рукой неудобно. (Оглядывается и подвигается ближе к Отису.) Слушайте, можно с вами поговорить? Нагнитесь поближе. (Кладет руку Отису на плечо и понижает голос.) Вы не можете мне помочь? Я попал в беду. Помогите мне.

Отис. А что случилось?

Коннорс говорит тихо, убедительно, впиваясь зрачками в глаза Отиса. Прядь волос упала ему на лоб.

— Этот парень, который со мной... он чокнутый, понимаете? Только не подавайте вида...

Отис не видит, как в темном стекле позади него отражается улыбающийся Ферроне. Коннорс бросает на отражение быстрый взгляд. Ферроне встает, потя-

гивается и развинченной походкой направляется в конец вагона.

Конноре. У него есть нож. Помогите мне, пожалуйста.

Отис. Нож?

Конноре. Ну да.

Он переходит на торопливый шепот. Жалобно смотрит на Отиса бегающими глазами.

— А потом, может быть, мы бы с вами убежали вместе. Мне надо от него смыться. Можете вы мне помочь?

Отис. Вы совсем на него не похожи.

Конноре. Правда?

Отис. Да, вы совсем другой, моему.

Конноре (радостно улыбается). Спасибо большое. Я рад, что вы так думаете. Очень рад. (Заговорщически подмигивает Отису.) Слушайте, когда мы от него убежим, может, пойдем куда-нибудь? В кино или... или куда-нибудь еще. Мне бы хотелось с вами поговорить. А?

Отис (кивает). Хорошо.

Конноре. Спасибо. Вы мне верите?

Отис. Да.

Конноре. Правда? Вот хорошо. Теперь слушайте. Я сейчас обойдусь с вами немножко грубо, понимаете? Но я вам ничего не сделаю, клянусь. Это просто, чтобы его обмануть...

Отис. Как это?

Конноре. Чтобы он ничего не заподозрил.

Отис. Ну, ладно.

Но он еще не избавился от зловещих подозрений. Коннорс видит это.

Конноре. Да вы не думайте, я вам ничего не сделаю. Это только для вида. А вы мне подыграйте, ладно?

Отис. Я не знаю...

Коннорс. Можете мне подыграть? Отис. Я попробую.

Коннорс берет Отиса за галстук и притягивает к себе.

— Я вам ничего не сделаю, не волнуйтесь.

Отис. Я не волнуюсь... Ой!

Конноре. Что такое?

Отис. Но вы так сильно тянете...

Конноре. Я вам ничего не сделаю...

Он туго наматывает галстук на руку и тянет к себе изо всех сил. Отис невольно подымается с места.

Отис. Но мне больно...

Конноре. Вам не больно, не волнуйтесь, я же вам обещал...

Задыхаясь, Отис цепляется дрожащими пальцами за руку Коннорса. Коннорс отрывает его пальцы от своих и со смехом швыряет Отиса на стойку посреди вагона. Отис извивается, пытаясь вырваться, но Коннорс прыгает вокруг него, выкручивая ему руку.

— Пойдем, пойдем, приятель...

Алиса оборачивается на шум. Тони, не выпуская ее из объятий, тоже смотрит на происходящее.

Алиса. Зачем они это делают?

Тони (равнодушно). Да вроде поймал кого-то...

Продолжая выкручивать Отису руку, Коннорс подталкивает его в конец вагона, где их поджидает Ферроне.

Ферроне. Эй, парень... он что, тебе больно делает?

Отис. Да... рука...

Ферроне. Арти, ему же больно. Отпусти его.

Отис. Мне больно...

Ферроне. Хочешь, я ему скажу, чтобы отпустил?

Отис. Да, пожалуйста.

Ферроне. Отпусти его.

Коннорс выпускает Отиса, тот хватается за столб, чтобы удержаться на ногах.

Ферроне. Ну, так лучше? Арти, что же ты так обращаешься с человеком?

Коннорс хихикает. Ферроне подталкивает Отиса за перегородку, к тормозному крану, где стоит двухместная скамейка.

Ферроне. Не смейся над ним. Едет себе человек в поезде, а ты на него так набросился... Это нехорошо. Садись, парень.

Они усаживаются за перегородку лицом друг к другу.

Ферроне. Ты небось разволновался? А?

Отис вздыхает и дотрагивается до руки.

Ферроне. Что, рука болит? (О придвигается поближе, почти вдавливая Отиса в стенку.) О, какие у тебя часы красивые! Да ты успокойся! Я прост говорю, часики у тебя очень хороши. Можно посмотреть?

Отис беспомощно трясет головой.

Ферроне. Ага, спасибо.

Он снимает часы с руки Отиса. То слабо сопротивляется.

Ферроне. Я только посмотреть. Хорошие часики, ничего не скажешь.

Отис. Это подарок... Пожалуйста (Хватает Ферроне за руки.)

Ферроне (отмахивается). Ах, ты делаешь мне подарок? Как мило. (Надевает часы себе на руку.)

Отис. Не надо!

Ферроне. Очень, очень мило. И рубашка у тебя красивая. Славная рубашка. (Хватает его за ворот и пытается расстегнуть ему рубашку.) Где ты покупаешь такие рубашки? А? Где ты их покупаешь?

Его руки быстро обшаривают Отиса.

Ферроне. Нравится тебе так? Нравится? Нет?

Отис. Нет...

Коннорс, с ухмылкой наблюдающий за происходящим, выпускает вдруг дикий вопль:

— Насилие! На помощь!

Отис (еле дышит). Пожалуйста... верните мне часы...

Ферроне. Да верну я тебе часы, я только хочу посмотреть ярлычок на твоей рубашке...

Отис молча ожесточенно выдирается из его цепких рук и, шатаясь, как пьяный, выскакивает из-за перегородки. Ему преграждает путь Коннорс.

— Куда ты пошел, парень? Не хочешь повеселиться?

В эту минуту поезд останавливается, и Отис кидается к двери. Ему удается выбежать на платформу, где он чуть не сбивает с ног какую-то пару. Но Коннорс бросается за ним и втягивает его обратно. Отис испускает крик отчаяния.

Коннорс (подталкивая Отиса). Давай быстрее, ты... (К стоящим на платформе.) Не обращайтесь на него внимания, он от призыва уклоняется! Это еще не наша станция.

Он толкает Отиса прямо на Ферроне. **Ферроне**. Зря ты так себя ведешь, парень.

Телфинджер (обменивается взглядом с Карматти). Что, сынок, у вас всегда такое творится?

Карматти (смушенно). Да нет, это психи какие-то. Мне очень жаль, что ты это видишь. Но ты не волнуйся.

Телфинджер (улыбаясь). Да я и не волнуюсь, сынок. Это не мой город.

Карматти. Этот район тоже не мой.

Коннорс и Ферроне обхватывают Отиса и пускаются в пляс вокруг столба, распевая во все горло. Отис безвольно повисает у них на руках.

Ферроне. Хочешь потанцевать в проходе?

Он прижимает к себе Отиса и выталкивает его в проход, продолжая кружить и притопывать. Когда они поравняются с Робинсонами, Отис наклоняется к Арнольду и умоляюще шепчет:

— Помогите... прошу вас...

Первису, который сидит напротив, друг становится неудержимо смешно. Он хмыкает, но тут же ловит на себе взгляд жены и умолкает.

Отис. Я этих ребят вижу в первый раз... Пожалуйста, помогите!

Но Арнольд словно не слышит, а Джоан упорно продолжает смотреть в книгу. Ферроне тащит Отиса дальше, плотно обхватив его за талию. Маккэн пытается встать и берет Отиса за плечо, но Ферроне толчком опрокидывает Маккэна на место.

— Посиди, братишка.

Отис с застывшим лицом висит на плече у Ферроне, тяжело дыша. Наконец Ферроне выпускает его из своих объятий. Ухватившись за столб, Отис медленно сползает на пол. Ферроне брезгливо смотрит на него и медленно снимает с руки часы Отиса. Отис смотрит перед собой невидящим взглядом. Ферроне кладет часы ему на плечо.

Ферроне. Эй, Арти, посади его на прежнее место.

Коннорс разматывает платок с руки и по-женски повязывает Отису голову платочком. Взяв его за галстук, он тянет Отиса за собой. Тот бредет, спотыкаясь.

Но тут не выдерживает Беккерман, который с ужасом наблюдал за происходящим. Он возмущенно вскакивает.

— Эй ты, мерзавец! Прекрати немедленно! Я позову полицию!

Миссис Беккерман тоже вскакивает и становится рядом с мужем.

Беккерман. Здесь приличные люди едут! А вы низкие твари!

Коннорс (перестает хихикать и обращается к Отису). Ай-я-яй! Зря он так выражается, милашка, зря.

Поезд влетает в туннель. За окнами — угольная темнота.

Ферроне (делает шаг к Беккерману). Как вы меня называли, мистер?

Миссис Беккерман не выдерживает его взгляда.

— Он... он просто погорячился. Садись, Сэм.

Беккерман. Оставь меня в покое!

Ферроне. Лучше сядь, папаша, а то схлопочешь плевков в физиономию.

Миссис Беккерман (загораживает собой мужа). Он старый человек...

Ферроне замахивается на нее.

Миссис Беккерман (испуганно отшатывается). Ой! Да сядь же, Сэм, он тебя убьет!

Беккерман неохотно садится рядом с женой. Ферроне назидательно тычет

пальцем ему в лицо. Коннорс подходит поближе.

Ферроне. Верно, леди. Сиди, папаша, а то с ней, чего доброго, удар приключится.

Беккерман. Ты со мной не нахальничай!

Ферроне. Да? Тебе еще повезло, что я за такие слова все зубы тебе не вышиб.

Беккерман. Да? Ну, это мы еще посмотрим.

Ферроне (ухмыляясь). И что же ты мне сделаешь, папаша?

Беккерман. Там увидишь. Не думай, что тебе все сойдет с рук. Пора бы уже повзрослеть и вести себя прилично. Где, по-вашему, вы находитесь? Здесь едут порядочные люди. Я позову полицию!

Но Ферроне не прошибить увещеваниями. Он ухмыляется все наглее.

— Давай, зови. Я тебе не мешаю. Хочешь, я ее сам позову?

Он делает угрожающий жест, Беккерманы откидываются на спинку. Миссис Беккерман вскрикивает.

Ферроне (отбегает к столбу, обхватывает его и принимается прыгать вокруг с воплем). Эй, полиция! Полиция! (Снова бросается к Беккерманам.)

Миссис Беккерман, дрожа, прижимается к мужу. Ферроне срывает со старика шляпу. Только теперь Беккерман осознает свою полную беззащитность, и на лице у него появляется испуг.

Уилксы с ужасом смотрят на эту сцену. Билл крепче прижимает к себе дочку и бормочет, успокаивая Эллен:

— Ничего... все в порядке.

Ферроне (размахивая шляпой перед лицом Беккермана). Ну, как?

Миссис Беккерман раздражается рыданиями.

Ферроне. Эй, Арти, может, ты хочешь позвать полицию?

Коннорс (с восторгом подхватывает шутку. Хохоча, вопит). Полиция! Ау-у!

Ферроне (тыкает шляпой в ли Беккерману). Видишь? Стоит толь попросить. Еще что желаешь, папаш Беккерман отстраняет цепляющую за него жену и окликает Тони:

— Вы его ровесник. Почему вы встанете и не вмешаетесь?

Тони. Что вы на меня все свалваете?

Беккерман. Постыдитесь! К вам не совестно? Эгоист! Только о се и думаете, как животные!

Миссис Беккерман. Сэм, рди бога!

Алиса, обнимая Тони, недоуменно взглядывает из-за его плеча. Ферроне стоит над Беккерманом, одной рукой цепляясь за поручень и обмахиваясь его шляпой. Миссис Беккерман всхлипывает.

Беккерман. Все вы друг другу стоите! Можете отправляться ко все чертям!

Ферроне (нахлобучивает шляпу на глаза старику). Молодец, папаша! Ты у нас самый умный! (Оборачивается Тони и пристально смотрит на него. Мы друг друга поняли, верно?)

Подходит поближе, ставит ногу на сиденье рядом с Алисой и облокачивается на колено.

Тони сразу каменеет и напряженно смотрит прямо перед собой в одну точку. **Ферроне**. Ты ведь не хочешь ввязываться, верно?

Тони. Слушай, приятель, я ничего не знаю и ничего не видел.

Ферроне. Понял, папаша? Он занят. У него девушка есть, верно! (Достает гребенку и не спеша причешется, глядя в темное стекло, как в зеркало. Потом так же не спеша наклоняется к Тони.) Это твоя девушка, дружище? А? Что такое? Я просто спрашиваю — это твоя девушка?

Тони (еле слышно). Да.

Ферроне. Да? (Поддевает гребенкой Алису за подбородок и заставляет ее поднять голову.) Ты его девушка? Алиса отстраняется.

Ферроне (хватает ее за волосы и отводит их от лица). Недурна, дружище. Совсем недурна. Эй, Арти! Хочешь посмотреть на стоящую девочку? Даже лучше, чем наша милашка.

Коннорс (хихикает, прислонившись к стене рядом со словно застывшим Отисом). Брось, лучше нашей милашки не найти.

Ферроне шлепается на скамью рядом с Алисой и наваливается на нее боком. Достает бутылку, делает глоток и сует горлышко в лицо Тони.

— Хочешь выпить, дружище?

Тонп. Нет, спасибо.

Ферроне. А ты? (Подставляет бутылку Алисе.) А, подружка? Чтобы разогреться? (Не сводя глаз с Тони, чмокает Алису в ухо.)

Тони продолжает смотреть прямо перед собой.

Тони. Слушай... мы ведь тебя не трогаем, правда?

Ферроне. Нет, нет. Вы меня не трогаете. Я просто хочу подружиться. Мы ведь друг друга поняли, верно?

Тони. (с испуганной ухмылкой). Верно.

Ферроне. Вот, я так и думал. Ну, как она? (Делает глоток из бутылки.)

Тони (впервые поворачивается к нему лицом). Слушай... ты полегче.

Ферроне. А я ничего не делаю. Я просто спрашиваю. Понимаешь, приятель, мне интересно, как она в кроватке.

Токи передергивает. Он смотрит Ферроне в глаза. Тот с интересом ждет его реакции. Но взрыва не происходит. Не выдержав, Тони, тяжело дыша, отводит взгляд. Ферроне отхлебывает виски.

Тони. Слушай... она хорошая девушка.

Ферроне. Да? Тогда почему же она с тобой? Верно, дорогая?

Алиса крепче прижимается к Тони.

Ферроне. Если хочешь получить сверх нормы, можешь пойти со мной и моим дружком. Мы тебя обслужим по

первому классу. Ты что-то сказал, приятель? Ага. Значит, ты, дорогая, любишь таких сильных и молчаливых. (Поворачивает ее лицом к себе и хочет поцеловать.)

Алиса, всхлипывая, кусает в отчаянии пальцы. Ферроне краешком глаза наблюдает за Тони, но Тони сидит, как каменный.

Ферроне (наконец отпускает девушку). Ну, ладно, если передумаешь, позвони. Меня зовут Джо Ферроне. Найдешь телефон в справочнике.

Коннорс. Эй, Джо!

Ферроне встает и направляется в конец вагона. По пути он останавливается перед Гарри Первисом и сует ему под нос бутылку.

— Не желаете выпить, мистер?

Первис осторожно отводит бутылку от своего лица.

Алиса, всхлипывая, отодвигается от Тони и закрывает глаза. Тони, раздавленный пережитым унижением, неподвижно смотрит в пол.

В вагоне царит мертвая тишина. Слышны только глухие рыдания Алисы.

Поезд замедляет ход — скоро следующая станция. Джоан Робинсон закрывает книгу.

Джоан. Нойдем, милый. Нам сходить.

Но Арнольд сидит неподвижно. Джоан удивленно смотрит на него.

Робинсон. Нет. Я хочу остаться и посмотреть.

Джоан. Ты с ума сошел!

Поезд останавливается. **Коннорс** подходит к двери. Две негритянки, по-видимому, мать и дочь, хотят войти в вагон, но Коннорс лениво подымает ногу и загораживает вход.

Коннорс. Сюда нельзя, личный вагон.

Женщина. Разве это не восемьдесят шестой маршрут?

Коннорс. Нет, это тридцать шестой.

Женщины озадаченно переглядываются и отходят.

Коннорс (радостно орет изо всей мочи). Посадка окончена!

У Отиса, видимо, мелькнула слабая надежда на спасение. Он встал и пробирается к двери. Коннорс еле поворачивает к нему голову и указывает пальцем через плечо на скамейку:

— На место.

Дверь закрывается. Отис беспомощно проводит по ней руками и, как загипнотизированный, бредет обратно. Коннорс довольно ухмыляется.

Ферроне вразалочку прогуливается по вагону, оглядывая пассажиров. Они избегают встречаться с ним глазами. Наконец он усаживается рядом с Маккэном и протягивает ему бутылку.

— А ты как? Хочешь выпить?

Маккэн отворачивается.

Ферроне (сует бутылку ему под нос). Да ладно тебе. Я не обиделся.

Искушение слишком велико для Маккэна. Он борется с ним из последних сил. На его счастье, Коннорс кричит из-за перегородки:

— Эй, Джо, я тоже хочу!

Подходит к Ферроне. Они по очереди прикладываются к бутылке.

Пьяный храпит, разметавшись по скамье. Из-под грязной рубашки виднеется голый живот, мерно вздымающийся во сне.

Коннорс (любуйся этим зрелищем). А этот все никак не проспится!

Но Ферроне не откликается. Напротив него сидят Телфинджер и Карматти, и он решает, что пора ими заняться. Он лениво протягивает бутылку Телфинджеру.

— Выпьем, сэр?

Телфинджер (миролюбиво улыбаясь). Спасибо, не хочется.

Такое начало устраивает Ферроне. Он нагибается через проход к Феликсу.

— Что такое? У нас парни теперь не пьют?

Телфинджер. Да нет, почему.

Ферроне. Ну так выпей.

Телфинджер. Спасибо, не хочется.

Карматти бросает на него тревожный взгляд. Но Телфинджер по-прежнему спокоен, только по его серьезным, неулыбающимся глазам чувствуется, что он весь подобрался внутри.

Телфинджер. Слушайте, ребята, почему бы вам не уgomониться, а?

Ферроне. То есть как?

Телфинджер. Да так — повеселились и хватит. Не стоит больше раскачивать лодку.

Ферроне (толкает Коннорса в бок). А я ничего такого не делаю. Арти, ты зачем раскачиваешь лодку?

Коинорс. Я? Я не раскачиваю. Они начинают хохотать и мерно раскачиваться на сиденье, стараясь столкнуть друг друга на пол. Телфинджер, улыбаясь, наблюдает за ними. Карматти явно забеспокоился.

Карматти (шепотом). Не связывайся с ними, Феликс.

Телфинджер. А я и не связываюсь.

Ферроне (перестает раскачиваться и исподлобья смотрит на Телфинджера). А ты сам-то откуда, паренек?

Телфинджер. Я-то?

Ферроне. Да, ты.

Телфинджер. Я из Оклахомы.

Ферроне. Важная штука, твоя Оклахома?

Телфинджер. Да не особенно.

Ферроне. А то, может, ты лучше нас? Может, у тебя ноги потом не воняют?

Коннорс, восторженно взревев, хлопает себя по коленкам. Ферроне доволен этим знаком одобрения.

Телфинджер (по-прежнему спокоен и добродушен). Да нет, я не думаю, что мы лучше вас, сынок.

Ферроне делает глоток из бутылки. Его начинает раздражать, что Телфинджера не удастся втянуть в ссору. Кар-

матти нервно глотает слюну. Он испуган не на шутку.

Телфинджер (улыбается Ферроне). Только мы, пожалуй, ведем себя потише.

Ферроне (встает с места, подходит к Телфинджеру и ставит ногу рядом с ним на сиденье). Ну а как тебя дома зовут?

Телфинджер. Меня-то?

Карматти (шепотом). Слушай, они просто затевают драку. Пересядем в другой поезд.

Телфинджер (словно не слышит его). Фамилия моя Телфинджер. А друзья зовут Феликс.

Ферроне (в восторге). Феликс?! Врешь!

Телфинджер. Ну вот, теперь тебе есть над чем пошутить.

Ферроне. Ну и ну, его зовут как Кота Феликса*!

Коннорс хохочет. Ферроне отпивает еще глоток. Телфинджер тоже смеется.

Ферроне. Да, парень, с тобой не соскучишься! (Допивает виски. Бутылка пуста. Придвигается поближе к Феликсу.) А драться у вас умеют?

Телфинджер. Да, умеют.

Ферроне. Ты-то, видно, не выучился.

Телфинджер смотрит на свою руку в лубке. Ферроне ухмыляется.

Телфинджер. Да, похоже на то.

Ферроне. Кривой ты какой-то. Вывернуть тебя, что ли? А то я могу.

Телфинджер. Да, ты, пожалуй, можешь.

Ферроне (обескуражен этим непробиваемым спокойствием). А что, там у вас в Оклахоме шутить не любят?

Телфинджер. В общем, да.

Ферроне. Так что ты теперь крепкий орешек, а?

Телфинджер. Я вообще-то не из драчливых, сынок.

И он снова миролюбиво улыбается.

* Кот Феликс—персонаж популярного комикса.

Ферроне вызывающе смотрит ему в глаза.

Т А что ты сделаешь, если в тебя чем-нибудь запустят?

Телфинджер. Чем, например?

Ферроне. А я почему знаю? Да хоть бы вот этим!

И он неуловимо быстрым движением замахивается бутылкой. Телфинджер и Карматти инстинктивно пригибаются. Ферроне одним прыжком подскакивает к ним. Весь вагон замер в испуге. Бутылка проносится мимо виска Телфинджера и вылетает в окно.

Ферроне. Так и будешь кланяться?

Телфинджер и Карматти медленно выпрямляются. *

Карматти. Ты чего добиваешься? Убить кого-нибудь хочешь?

Ферроне (нагло скалится прямо ему в лицо). А в чем дело? Я в него не попал, верно? (Наклоняется к Телфинджеру и впивается в него глазами, весь дрожа от возбуждения.) Ну-ка, покажи, на что ты годишься, чему тебя научили! Выходите двое на двое? А? Так, для смеха. Согласен?

Глаза всех пассажиров, полные страха, обращены к ним. Только Арнольд Робинсон наслаждается происходящим. Он не может удержаться, чтобы не наклониться к жене и не поделиться с ней своей радостью.

— Этот сосунок с Юга к таким делам, видно, непривычный!

Но Джоан делает вид, что углубилась в чтение. Ферроне не обращает внимания на реплику Робинсона. Он стоит над Телфинджером, ожидая ответа.

Телфинджер. Хотел бы я тебя поставить на место, сынок. Да вот одно крыло не работает.

Ферроне. А я одну руку за спину заложу. Согласен?

Телфинджер. Нет уж, спасибо.

Ферроне. Что, слабо?

Телфинджер (тихо и спокойно, глядя ему в глаза). Нет. Просто я знаю,

что ты меня и так можешь отлупить до полусмерти. Верно ведь?

Ферроне медленно кивает.

Телфинджер. Так что мы этим докажем?

Ферроне (нервно облизывает воспаленные губы). Знаешь что? Не нравишься ты мне.

Он говорит угрожающе, оскалив зубы. На лбу у него выступили капли пота. Карматти совсем вжался в спинку скамьи.

Ферроне. Мне не нравится, как ты разговариваешь. Мне все в тебе не нравится. Знаешь, что бы я с тобой сделал? В порошок бы тебя стер. Так что сиди и помалкивай, понял?

Телфинджер. Да, но ты меня не понял.

Ферроне (срывается на крик). А ну, заткни свою вонючую пасть!

Телфинджер. Ладно, но если ты станешь...

Ферроне. Заткнись!

Он рывком подымает Телфинджера с места и хватает его за горло. Здоровой рукой Телфинджер пытается отвести его пальцы. Он испуган, но старается сохранить самообладание. Ему удается высвободиться и сесть. Ферроне с искаженным от злости лицом снова кидается к его горлу. Телфинджер перехватывает его руку и улыбается.

— Спокойно... — Удерживая Ферроне на расстоянии, он с напряженной улыбкой похлопывает его по руке и приговаривает: — Спокойно, спокойно... Все в порядке...

Карматти сидит, не шелохнувшись. Ферроне постепенно ослабляет тиски и наконец отдергивает руку.

Телфинджер. Ну вот, все в порядке...

Ферроне озадаченно смотрит на него. Телфинджер спокойно и медленно — может быть, слишком медленно — натягивает сползший с плеча китель, разглаживает складки на коленях. Потом он не спеша оглядывает Карматти и

Ферроне и шутливо салютует Ферроне снимает ногу с сиденья и молча отходит.

Беккерман больше не может видеть жать. Он встает и тянет за собой жену. Но она слишком напугана.

Миссис Беккерман. Сэм, надо, не надо! Я боюсь!

У Эллен Уилкс тоже сдают нервы. Вся дрожа, она обращается к мужу.

— Надо сойти с этого поезда. Надо сойти!

Уилкс. Нельзя. Это будет слишком заметно.

Беккерман подводит жену к двери. Миссис Беккерман. Но, Сэм, эта дверь не работает.

Поезд замедляет ход. Беккерманы направляются к передней двери.

Ферроне (загораживает им дорогу). Куда собрался, папаша?

Беккерман (легонько отстраняя его). Разрешите... нам выходить.

Ферроне. Вы хотите сойти? А по чему это вы надумали сходить?

Поезд останавливается. Раздвигаются двери.

Ферроне. Что это вам приспичило выходить?

Беккерман, упираясь руками в грудь Ферроне, пытается прорваться к выходу. Миссис Беккерман испуганно кричит:

— Пустите!

Беккерман. Выпустите нас, пока дверь не закрылась.

Ферроне раскидывает руки в стороны прыгая перед Беккерманом.

— Вам еще не пора выходить.

Беккерман. Прочь с дороги! Мы хотим сойти!

Ферроне. Куда, папаша? Я вижу никакой двери!

Беккерман. Придержите дверь! Мы хотим сойти!

Но уже поздно, дверь с шипеньем закрывается.

Ферроне (кривляясь, оглядывается на нее). Ах, ты про эту дверь

говорил, папаша? Что ж ты сразу не сказал?

Беккерман. Ну, хватит. Можете занимать хоть целый поезд. А мы хотим сойти.

Ферроне. Сойти хотите? Что ж вы сразу не сказали? Мы бы вам и дверку попридержали, папаша.

Он хватает валяющийся в углу башмак и закидывает его в щель между дверью и стеной. Теперь дверь будет оставаться закрытой на остановках. Миссис Беккерман бросается к Ферроне и колотит его по плечу, пытаясь помешать ему заклинить дверь.

— Не смейте! Не смейте! (Оборачивается к остальным пассажирам.) Он же заклинивает дверь!

Но никто не трогается с места.

Тогда Беккерман кидается к задней двери, соединяющей вагоны. Трясет ручку, но тщетно. Коннорс хохочет:

— Заело!

Взгляд Беккермана падает на стоп-кран. Он делает к нему шаг, но Ферроне с визгом подсакивает и вцепляется в его руку.

Беккерман, отталкивая его, пытается дотянуться до стоп-крана, но Ферроне сильнее. Он отшвыривает старика в сторону и натывается на миссис Беккерман. В отчаянии та, неожиданно для самой себя, размахивается и изо всей силы вцепляется ему по щеку. Оба оторопело смотрят друг на друга. Миссис Беккерман подхватывает съехавшую с головы шляпку. Мгновение кажется, что сейчас Ферроне ударит старую женщину. Но тут Беккерман хватается за руку и тащит ее в вагон. Оба в изнеможении опускаются на скамью.

Миссис Беккерман. Садись, Сэм, садись. Он тебе ничего не сделал?

Ферроне (вразвалочку подходит к ним). Верно, Сэмми. Лучше сиди, а то упадешь.

Беккерман. И долго вы думаете держать нас здесь взаперти?

Ферроне. Откуда я знаю, папаша? Ночь длинная.

Он, не торопясь, по-хозяйски начинает разгуливать по вагону, Маккэн отворачивается. Остальные настороженно следят за каждым движением Ферроне.

Ферроне (Маккэну). На кого смотрите, мистер? Хотите речь произнести?

Коннорс (с готовностью откликается радостным визгливым хохотом и завыванием). Речь! Речь!

Ферроне прекрасно чувствует свою полную власть над пассажирами. Он подходит к стоп-крану, кладет на него руку и обращается к аудитории:

— Может, еще кто хочет попробовать? Ну?

Он обводит взглядом всех по очереди. Все молчат, опустив глаза.

Карматти (лихорадочно шепчет на ухо **Телфинджеру**). Что толку? Поезд застрянет неизвестно где...

Ферроне (направляет на него указующий перст). Эй, не болтать в классе!

Карматти (шепотом). До Центрального вокзала всего две остановки, а там наверняка будут полицейские.

Ферроне. Феликс! За болтовню останешься после уроков!

Коннорс гогочет.

Беккерман (снова бросается в бой). А вы знаете, что за это бывает?

Ферроне. А как же, папаша, знаю. (Он потягивается и снова начинает лениво разгуливать по вагону.) Ну, ладно. У кого есть карты? Надо же скоротать время до полиции. Что, ни у кого нет картишек?

Повиснув на вагонной стойке, он с размаху делает несколько оборотов и подсакивает к сумке, стоящей у ног **Эллен Уилкс**. Эллен вся сжимается.

Ферроне (заглядывает в сумку). У вас не найдется карт?

Эллен молчит.

Ферроне (оборачивается к **Первисам**, выхватывает у **Мюриэли** из рук су-

мочку и роется в ней). Тоже нет? У кого же есть карты? (Бросает сумочку на колени **Мюриэли** и подходит к **Робинсонам**.) А как насчет вас? Карты есть?

Робинсон (отвечает с готовностью). К сожалению, нет.

Ферроне. Может, кости есть? Есть у вас кости?

Робинсон. Сожалею, ничем помочь не могу.

Ферроне поворачивается к нему спиной, описывает еще один оборот вокруг стойки и внезапно возвращается к **Робинсонам**. Опершись одной рукой на стенку позади **Арнольда**, он наклоняется к нему поближе. **Джоан** цепенеет. Но **Арнольд** лукаво улыбается, глядя прямо перед собой.

Ферроне. А ты чего ухмыляешься?

Робинсон. Просто так. Я на твоей

стороне.

Ферроне. Ты на моей стороне?

Робинсон. Вот именно.

Ферроне. Это как понимать? А знаешь что, приятель? Да я бы не стал с тобой компанию водить даже на необитаемом острове. Я лучше с паршивым псом буду знаться, чем с тобой.

Очень медленно у **Робинсона** начинает сползать с лица его лукавая, почти детская ухмылка. **Джоан** впивается пальцами в книгу. Однако **Робинсону** удается сдержаться.

— Ладно. Дело твое.

Ферроне. А знаешь, почему? Хочешь знать, почему?

Он сверлит **Арнольда** глазами.

Ферроне. Потому что я не люблю черномазых. Что ты на это скажешь, а?

Он наслаждается созерцанием того, как каменеет лицо **Робинсона**.

Робинсон. Ладно, я понял.

Ферроне. Что значит понял? Сам напросился, так слушай. Не люблю я черномазых. По мне, черномазые все равно что грязь. Они воняют.

Джоан, сама не замечая, нервно ломает руки. **Робинсона** передергивает. Он

подымает на **Ферроне** полные бешенства глаза.

Ферроне (изображает изумление). Ты что, не веришь? Не веришь, что чьи-то воняют? Спроси кого хочешь, те скажут. Ну, давай, спрашивай. (Обводит молчаливый вагон широким жестом). Ты-то, наверно, уже принохался, а эту вонь издали чую. Называется о «запах ниггера».

Робинсон (сдерживает себя последними сил). Не лезь ко мне.

Ферроне. Слышал, что я сказал «Запах ниггера».

Робинсон. Я сказал, не лезь мне.

Джоан хватается мужа за руку, чувствуя, что он вне себя.

Ферроне. Что, не веришь? Принохался уже? И она принохалась?

Робинсон. Я сказал, не лезь ко мне!!

Он вскакивает, как пружина. **Ферроне** отпрыгивает. По вагону проносится испуганный вздох. **Джоан** цепляется за мужа.

— Не надо, сядь!

Но обезумевший от гнева **Робинсон** уже ничего не слышит. Еще секунда, **Ферроне** не сдобровать.

И тут раздается сдавленный крик **Джоан**. **Коннорс** в три прыжка успевает пересечь вагон и, обхватив **Джоан** сзади, оттащил ее от мужа.

Джоан. Пустите меня!

Ферроне (приплясывает перед **Робинсоном**). Ну как, вонючка? Она пойдет с ним, а мы с тобой будем драться. Хочешь?

Джоан (вырываясь от **Коннорса** кричит). **Арнольд**, не слушай его!

Робинсон с искаженным от бешенства лицом делает шаг к **Ферроне**. Но он видит, как за спиной **Ферроне** **Коннорс** пытается зажать рот **Джоан** и оттащить ее в угол, за перегородку. **Джоан**, выдираясь, не сводит глаз с мужа. Она перепугана, но старается сохранить самообладание.

— Арнольд, не стоит! Не стоит!
Коннорс обхватывает ее сзади за шею. Ферроне, кривляясь, указывает Робинсону на них пальцем:

— Она с ним, а ты со мной! Она с ним, а ты со мной!

Робинсон медленно разжимает кулаки. У него вырывается крик бессильной ярости, переходящий в рыдание.

Ферроне. Беги отсюда, ниггер, пока я тебе руки не обломал!

По лицу Робинсона катятся слезы, все его тело содрогается от рыданий. Потрясенные пассажиры сгрудились в углу.

По знаку Ферроне Коннорс отпускает Джоан, и она бросается к мужу. Арнольд обнимает ее за плечи и, словно опираясь на нее, медленно, волоча ноги, идет на свое место. Джоан садится. Арнольд, прежде чем сесть, вдруг опускается на колени. Он делает это всего лишь для того, чтобы поднять упавшую книгу Джоан, но в этом движении — вся безнадежность его положения.

Победоносно ухмыляясь, Ферроне стоит, покачиваясь, посреди вагона. Слышен лишь стук колес и сдавленные всхлипывания Робинсона. Ферроне обводит глазами притихших пассажиров.

Внезапно Мюриэль Первис так порывисто вскакивает с места, что сумочка соскальзывает у нее с колен и падает на пол. Гарри пытается удержать ее, но с Мюриэлью не так просто справиться. Она подходит к Ферроне и с вызовом смотрит ему в глаза.

— Долго еще вы будете держать людей взаперти?

Ферроне (с любопытством оглядывает ее). Как вы сказали, леди?

Мюриэль. Я сказала — долго еще вы будете держать людей взаперти?

Ферроне (восхищенно оборачивается к Коннорсу). Ну и тигрица, видал?

Коннорс подмигивает, растянув рот до ушей.

Мюриэль (повелительно). Будьте

любезны открыть дверь и выпустить людей из вагона.

Ферроне. А зачем?

Гарри Первис подходит поближе и пытается увести жену на место, но тщетно.

Мюриэль. Что вы собираетесь с нами делать? Мало вам было развлечений?

Ферроне. Мало, леди.

Мюриэль (гневно вздергивает подбородок). Будьте любезны открыть дверь и выпустить людей из вагона!

Первис. Сядь, Мюриэль...

Ферроне (почти не взглянув на Первиса, сдергивает с него шляпу и швыряет ее на пол). А зачем мне открывать дверь и выпускать людей, леди?

Коннорс, хихикая, незаметно подходит сзади к Первису и срывает с него очки. Первис беспомощно оборачивается.

Коннорс (манит его пальцем). Сюда, сюда...

Первис. Что вам нужно?

Мюриэль. Что вы собираетесь с нами делать?

Первис, который почти ничего не видит без очков, покорно следует за Коннорсом.

Ферроне. Не знаю. А что бы вы хотели?

Мюриэль. Отоприте дверь и выпустите нас!

Коннорс, держа очки перед носом Первиса, неожиданно отскакивает в сторону. Первис налетает на стенку. Коннорс в восторге.

Первис. Хватит... довольно же...

Коннорс. Сюда, сюда, давай...

Приплясывая перед Первисом, он выхватывает у него зонтик и нацеливается прямо Первису в лоб. Тот, беспомощно щурясь, заслоняется портфелем.

Мюриэль. Слушайте, вы нарветесь на неприятности.

Ферроне (удивленно). Я? Почему, леди?

Мюриэль. Я знаю, как вас зовут — Джо Ферроне, и я сообщу в полицию.

Они сумеют вас найти. Так что лучше откройте дверь и выпустите нас.

Ферроне, прищурившись, смотрит на нее оценивающим взглядом.

— А вы, правда, хотите, чтобы я выпустил людей из вагона?

Мюриэль. То есть как?

Коннорс, заливаясь хохотом, делает несколько фехтовальных выпадов зонтиком. Первис, держась одной рукой за поручень, неловко защищается, прикрываясь портфелем.

Ферроне. Да так. Вы, правда, только этого хотите, леди?

Он протягивает руку и срывает с нее вуалетку. Волосы Мюриэль рассыпаются по плечам. Она вздрагивает.

— Я хочу выйти отсюда! Я не могу больше здесь оставаться, выпустите нас отсюда! — кричит она.

Ферроне. А если я не послушаюсь, вы ударите меня по руке, леди? Эй, Арти!

Мюриэль испуганно отшатывается.

Ферроне. Что случилось, леди?

Мюриэль. Что вам нужно?

Коннорс, продолжая целиться в Первиса зонтиком, подгоняет его к Ферроне. Первис близоруко топчется на месте. Ферроне игриво шиплет Мюриэль за шею.

Ферроне. Разве я вам не нравлюсь?

Мюриэль. Не смейте!

Ферроне. Может, он вам больше нравится?

Коннорс — подкрадывается к Мюриэли сзади, кладет ей голову на плечо и делает вид, что хочет поцеловать ее в затылок.

Мюриэль. Не смейте!

Ферроне. А может, мы оба вам нравимся, леди?

Коннорс напяливает на нос очки Первиса и прыгает вокруг Мюриэли, вопя и гримасничая.

— Без очков я гораздо красивее!

Ферроне. Может, мы оба, а, леди?

Мюриэль дрожит от унижения и злобы. Она кричит мужу:

— Почему ты позволяешь ему такой разговоривать?!

Ферроне, ухмыляясь, наблюдает за разгорающейся семейной сценой. Первис огрызается в ответ:

— Ты сама напророчилась!

Мюриэль. То есть как это напророчилась?

Первис. Ты и сейчас продолжаешь к нему лезть!

Растрепанная, сразу постаревшая, Мюриэль визжит от ярости и наотмашь бьет мужа по щекам.

Коннорс в восторге нацепляет очки Первиса на нос Тони Гойя, который не смеет воспротивиться и сидит не шелохнувшись.

Коннорс. Вот это да!

Мюриэль, всхлипывая, падает обратно на свое место, Первис, держась за щеку, усаживается рядом. Бурная ссора супругов привела Ферроне и Коннорса в воодушевление.

Коннорс прыгает вокруг средней стойки, высоко задирая ноги. Ферроне с воем вскарабкивается ему на спину, и Коннорс с веселым гиканьем скачет по проходу.

Ферроне победно размахивает зонтиком Первиса. Снова вагон весь сотрясается от гиканья, топота и завываний. Ухватившись за стойку в конце вагона Ферроне с воплем описывает вокруг него несколько оборотов и валится на пол дрыгая ногами. Коннорс повисает и раскачивается на поручнях, извиваясь всем телом.

Ферроне (целится в него из зонтика). Тра-та-та-та-та!

Коннорс срывается с поручней и с готовом мчится в конец вагона. Ферроне перекачивается по полу и привстает на колени, прижимая к себе зонтик, как автомат. Он оказался совсем близко от Уилкеов. Взгляд Ферроне падает на спящую девочку.

— Приветик!

Билл крепче прижимает к себе дочку. Эллиен прикрывает личико Сюзии поло-

плаща. Она умоляюще смотрит на **Ферроне**:

— Не надо, Джо, не надо!

Ферроне. Кукареку! (Отшвыривает руки Эллен и тянется к девочке.)

Эллен. Не надо!

Ферроне, весь потный, с дикими глазами, бормочет, продолжая отталкивать Эллен:

— Что такое? Я ей ничего не делаю. Как живешь, маленькая?

Эллен. Не говорите с ней!

Ферроне. Я только на нее взгляну... Кукареку, детка!

У и л к с. Не трогайте ее!

Родители оледенели от ужаса. **Ферроне**, весь дрожа от возбуждения, борется с ними, стоя на коленях. Он вцепляется Биллу в руку, которой тот пытается оградить девочку.

Ферроне. Что с тобой? Я только на нее посмотрю, только посмотрю, приятель! Ты что, не понимаешь? Я просто хочу с ней поговорить.

Билл отталкивает его. **Ферроне** хватается за галстук и сильно дергает. Билл хватается за горло, поперхнувшись.

Ферроне. Я просто хочу с ней поговорить!

Он натывается на сумку, стоящую на полу у ног Эллен. Из нее торчит кукла.

— Игрушки! Смотри-ка, у вас здесь кукла!

Выхватив куклу из сумки, он тычет ею в лицо Сюзи, и тут же отшвыривает игрушку через плечо прочь.

— А что еще тут у вас? Еще куколки есть? Что у вас здесь?

Он лихорадочно роется в сумке, разбрасывая вещи по полу. Жалобно звякает детская музыкальная шкатулка.

Уилксы дрожат, втянув головы в плечи. Билл из последних сил прижимает к себе дочку, Эллен тщетно пытается прикрыть ее собой.

И тут, словно нехотя, с глубоким вздохом, Феликс Телфинджер поднимается с места.

— Так. Ну, ладно. Хватит.

Он делает шаг вперед. **Ферроне**, не поднимая головы, выжидательно замирает на коленях.

Телфинджер. Довольно, слышишь, ты? Оставь этих людей в покое! Слышишь? А ну, сядь и сиди тихо!

Ферроне медленно оборачивается к нему.

Телфинджер. А то я сам тебя усажу на место!

Карматти в ужасе и растерянности окликает товарища:

— Феликс! Брось, Феликс!

Ферроне, ослабившись, поднимается с пола:

— Окей, парень. Вот я и дождался. Ну, давай, усаживай меня на место.

В вагоне повисла мертвая тишина. Никто не двигается. **Телфинджер** не сводит глаз с **Ферроне**. Почему-то вдруг становится заметно, как он молод — совсем мальчишка, даже детская припухлость еще сохранилась возле губ. Ему страшно, но он не отступает.

— Это, по-вашему, честная драка?

Ферроне (издевательски). Конечно, нет. Весь вагон против нас двоих. Но я же не отказываюсь! Давай, поглядим, чему тебя научили!

Он хватается с пола куклу и запускает ею в **Телфинджера**.

Телфинджер пригибается. Раздается чей-то истерический крик: «Господи!»

В руке у **Ферроне** заблестел нож.

Держа его наготове, **Ферроне** крадется по проходу навстречу **Телфинджеру**. Сделав шаг вперед, **Телфинджер** выставляет руку в лубке, чтобы парировать удар, но **Ферроне** не **замахивается** ножом, а с силой толкает **Феликса** в грудь. Тот отлетает и падает на скамью. Тогда **Ферроне** кидается на него, но получает удар ногой в живот и отскакивает.

Лица **пассажиров** искажены ужасом. **Карматти** не трогается с места.

Телфинджер поднимается со скамьи. **Ферроне**, отведя руку с ножом, ждет его приближения. **Телфинджер** бросается

вперед, и тут **Ферроне** с размаху бьет его ножом в бок.

Вскрикнув от боли, **Феликс** словно переламывается пополам, прижав руку к ране. Все произошло так молниеносно, что никто из пассажиров не успел и рта открыть. **Ферроне**, хищно оскалившись, отступает от раненого.

И вдруг, неизвестно где найдя силы, **Феликс** выпрямляется и идет на **Ферроне**. Размахнувшись, он наотмашь бьет его рукой в тяжелой гипсовой повязке. Еще удар — здоровой рукой — опрокидывает **Ферроне** на пол. Тот пытается подняться, но **Телфинджер** опять сбивает его с ног. Занеся, словно молот, обе руки над головой, он наносит, снова и снова, удары по распростертому на полу **Ферроне**. Потом он, шатаясь, с трудом подымается на ноги, а **Ферроне** остается неподвижно лежать в проходе.

На левом боку **Феликса** расплывается огромное кровавое пятно. Непонятно, как он удерживается на ногах. Спотыкаясь, как слепой, он упрямо пробирается в конец вагона. **Коннорс**, всхлипывая, с отвисшей челюстью, пятится от него. Вложив все силы в последний удар, **Телфинджер** сбивает **Коннорса** с ног. Зажимая рану здоровой рукой, он в ожесточении бьет его ногами. **Коннорс** завывает от боли и страха.

Бросив его валяться на площадке, **Телфинджер** медленно поворачивается и бредет обратно вдоль скамеек, где оцепенели потрясенные пассажиры. **Карматти** пытается поддержать его, но **Феликс** отталкивает его руку. Дойдя до конца вагона, он обессиленно опускается на пол, прислонившись спиной к стойке.

Карматти бросается за ним и опускается перед ним на колени.

— Феликс... Феликс... тебе плохо? **Телфинджер** медленно поднимает веки, борясь со слабостью.

— Где же ты... был... братишка?

Заикаясь, **Карматти** бормочет:

— Я... я... это все так быстро слу-

чилось... Я сейчас позову на помощь... сейчас позову...

Он перешагивает через бесчувственное тело **Ферроне** и бежит к двери. **Феликс** неподвижно смотрит перед собой в одну точку. Силы покидают его с каждой секундой.

На площадке монотонно воеет избитый **Коннорс**. **Карматти** с криком мечется у двери, пытаясь расклинить ее.

— На помощь! Полиция! Полиция! Да позовите кто-нибудь полицию!

Он бросается к стоп-крану и дергает ручку. Поезд резко замедляет ход.

Маккен (опускается на колени перед **Феликсом**). Дайте я взгляну, что с вами.

Телфинджер. Ничего.. все в порядке...

Маккен. Может быть, я могу помочь.

Телфинджер (тяжело дышит, глаза его мутнеют). О, да... вы бы очень могли помочь... Жаль, у меня нет больше времени на **объяснения**...

Голова его скатывается на грудь, и он теряет сознание.

Поезд останавливается. **Карматти** вышибает клин из двери и с криком высывается наружу. Общая суматоха. **Арнольд Робинсон** возбужденно вскакивает с места.

Двое полицейских врываются в вагон. Один из них молниеносно кидается к **Робинсону** и выкручивает ему руку. **Джоан** пронзительно кричит.

Карматти. Нет, нет, сюда! Это не тот парень!

Он оттаскивает полицейских от негра.

В вагон заглядывают любопытные. Полицейский наклоняется над **Ферроне**, который по-прежнему валяется в проходе, раскинув руки и ноги.

Полицейский. Эл, поди сюда, помоги мне!

Двое служащих метро расталкивают зевак и нагибаются над **Коннорсом**. Подхватив его с обеих сторон, они

вытаскивают **Коннора** из вагона, и его хрипкое завывание замирает вдали.

Полицейские выволакивают за ноги **бесчувственное** тело Ферроне. **Карматти** дотрагивается до плеча **Телфинджера**. Тот с усилием открывает глаза.

Карматти. Положи мне руку на плечо.

Он бережно приподнимает товарища и ставит его на **ноги**. Повиснув на плече Карматти, Телфинджер медленно обводит взглядом вагон.

Пассажиры сидят по местам, опустив головы. Никто не смеет посмотреть ему в глаза.

Телфинджер. Уведи меня... отсюда...

С трудом переставляя заплетающиеся ноги, он шаг за шагом с **помощью** Карматти добирается до двери. Еще секунда, и они **переступают** порог.

Тяжелое молчание.

Внезапно пьяный бродяга издает хриплый стон, переворачивается и скачивается со скамьи на пол. Однако

даже падение не может его разбудить. Он продолжает храпеть на замусоренном полу. Мерно вздымается голый живот в такт храпу.

Торопливо и молча, один за другим пассажиры начинают покидать вагон. Никто не смотрит друг на друга. Отис выскальзывает первым. Глядя себе под **ноги**, выходит **Маккэн**. За ним Робинсоны. Бледная Алией осторожно обходит пьяного. Сумрачный Тони плетется за нею следом. Вот вышли Беккерманы, за ними **Первисы**. Гарри трясущимися руками на ходу надевает очки. Последними через спящего бродягу переступают **Уилксы**. Эллен на секунду задерживается, чтобы поднять с пола куклу, и поспешно догоняет мужа.

И над опустевшими скамьями начинает звучать негромкий женский голос, который грустно и задумчиво поет, вопрошая, за кадром:

Так это все...
И фильм кончается?
Так это все...
И мы прощаемся?